

арденны

Михель Гавен

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Михель Гавен

Арденны

«ВЕЧЕ»

2011

Гавен М.

Арденны / М. Гавен — «ВЕЧЕ», 2011 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8667-2

Зимой 1944–1945 годов немецкие войска предприняли на Западном фронте в районе Арденнского хребта наступательную операцию против союзных англо-американских войск с целью разгрома их бельгийской группировки и высвобождения частей для переброски на Восточный театр военных действий. Первоначальный успех немецкого наступления, особенно в Бельгии, во многом был обусловлен действиями специальных десантно-штурмовых подразделений, одним из которых руководил оберштурмбанфюрер СС Иоахим Пайпер, после войны обвиненный в военном преступлении – массовом расстреле пленных американских солдат. Известный немецкий писатель-историк Михель Гавен в своем новом романе предлагает оригинальную и где-то даже спорную версию событий Арденнского сражения.

ISBN 978-5-4444-8667-2

© Гавен М., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михель Гавен

Арденны

© Гавен М., 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

1

Человечество приговорило меня и моих солдат к пожизненному проклятию, но мы не щадили себя во имя страны, которой присягали.
Иоахим Пайпер

Тяжелый мокрый снег медленно падал на землю. Налитые влагой снежинки не кружились, а, словно отрываясь от нависших серых облаков, сплошной стеной беззвучно шлепались на дорогу, закрывая видимость и превращая шоссе, замерзшее за ночь, в сплошной каток. Джейк Керк, сержант американской армии, вылез из кабины безнадежно заглохшего джипа, обошел вокруг автомобиля. Бесполезно. И ни одной машины на дороге, чтобы подтолкнуть. Бывает же такое! Он проклинал капрала, пославшего его в такую непогоду по пустяковому делу – ящик виски. Могли и подождать, пока кончится снег.

Он присел на корточки у колеса, осматривая, не повреждена ли ось. Джейк замерз. Конечно, можно было бы открыть виски. Он вспомнил, как на базе сержант, его старый приятель, отпуская спиртное, пошутил:

– Смотри довези, не выпей по дороге.

Будто сглазил. И ни души. Джейк встал, подошел к кабине. Вдруг ему показалось, что сзади кто-то смотрит на него. Хрустнула ветка в лесу. Насторожившись, Джейк обернулся, рванул автомат с сиденья автомобиля. Огляделся. Никого. Показалось, наверное. Не выпуская оружие из рук, он снова было полез в кабину за виски, но тут совершенно отчетливо услышал приглушенный смех, раздавшийся буквально в нескольких шагах от него. Джейк прыгнул с подножки и, прижавшись спиной к кабине, навел автомат туда, откуда, как ему показалось, доносился смех.

На этот раз долго всматриваться не пришлось. За снежной пеленой, у деревьев, подступавших к самой обочине дороги, он различил тонкую фигуру в зеленоватом защитном комбинезоне, запорошенном снегом. Незнакомец стоял, прислонившись спиной к стволу. Ветви деревьев, отягощенные снежными комьями, низко наклонялись над его головой. Увидев, что его заметили, человек отделился от деревьев и сделал несколько шагов вперед. Это оказалась женщина. Длинные темные волосы, мокрые от снега, падали ей на грудь до самого ремня, перетягивающего тонкую талию. Она подошла ближе.

– Хай! – привычное приветствие, казалось, успокоило вновь пробудившуюся тревогу. Она оказалась невысока ростом. Обычный походный комбинезон американской армии, повязка с красным крестом на рукаве. Медсестра.

У Джейка отлегло от сердца.

– Хай! – ответил он на приветствие, опуская автомат и с любопытством рассматривая ее.

«Хорошенькая» – это определение не подходило к ней. Она была красивая. Мокрые волосы завитками падали на лицо, подчеркивая классические линии лба, носа и подбородка. Красивые темные брови и ясные зеленоватые глаза дополняли гармоничное сочетание. Высокая грудь, стройные ноги – казалось, форма американской армии была создана специально для того, чтобы подчеркнуть ее прелести. Джейк присвистнул. Настроение у него явно улучшилось. Она подошла к машине.

– Застрял? – по-английски она говорила немного с южным акцентом.

– Заглох. Ты кто?

– Сестра. Из госпиталя. Здесь, недалеко, – она неопределенно махнула рукой куда-то в сторону.

– А что ты делаешь в лесу, одна? Тебя как зовут? – спросил он притворно строго.

– Кейт. А тебя?

– Джейк. Сейчас опасно ходить одной. Говорят, немцы высадили десант. В тылах – диверсанты.

– Правда? – на ее лице отразился испуг. – Я ничего не слышала.

– Ну как же... А ну-ка скажи, – он снова навел на нее автомат, – кто считается королем бейсбола?

Она побледнела.

– Бебб Рут, – пролепетала растерянно. – А что?

– Правильно, – Джейк опустил автомат. – Ладно, я пошутил. Теперь ведь, знаешь, какие времена – всех надо проверять.

– Ну ты даешь, однако, – пересилив себя, она улыбнулась. – А что с машиной? Может, помочь?

Он усмехнулся.

– А что, ты в машинах понимаешь?

– Ну, не так чтоб очень. Но все же...

– Ладно, сам справлюсь. Садись в кабину. В такую погоду нечего ходить по лесу. Простудишься. Хочешь виски?

– Ага. А откуда у тебя виски? Ой, так много!

– Да тут на весь взвод. Послали. Привези, мол, к Рождеству. Вот и везу. Нажми-ка там на газ. Ты хоть знаешь, где газ? Вот-вот. Ну, хватит, осторожнее.

Он еще поковырялся в моторе. Она высунулась из кабины.

– Да брось ты, – прокричала она весело. – Потом починишь. Давай в самом деле выпьем виски.

Джейк поднял голову. Она разругалась. Глаза блестели. Конечно, какой мотор, зачем мотор? Такой удачный случай. Он захлопнул капот и раскрыл дверь кабины. Внезапно ему показалось, что за спиной у него что-то мелькнуло, словно тень метнулась между деревьев. Он прислушался. Кругом царила тишина. Беззвучно падал хлопьями снег. Никого. Кейт недоуменно смотрела на него. В руках у нее были две кружки с виски. А, к черту все это! Он вспрыгнул в кабину и захлопнул дверцу. Капрал подождет. Пусть завидуют.

– Ты откуда родом? – спросил он, беря кружку из ее рук.

– Штат Миссисипи. Слышал?

– А как же. А я из Чикаго. Ну что, за Америку. Поехали.

– О'кей. За Америку.

Он выпил виски до дна. Жар ударил в голову. Он взглянул на нее. Она покраснела и морщилась от горечи.

– Что, горько? – он взял ее за руку и привлек к себе. – Сейчас будет слаще.

– Зачем? Не надо, Джейк, – она слабо сопротивлялась, притворно разыгрывая из себя недоτροгу.

Он чувствовал ответные движения ее тела. Что-то скрипнуло рядом с кабиной джипа, как шорох пролетели приглушенные голоса. Но Джейк уже не слышал их. Он целовал разгущенное лицо Кейт, ее послушные сладкие губы. Она отвечала ему и больше не сдерживала себя, он рванул молнию на ее комбинезоне, расстегивая его, чтоб обнажить грудь. Он хотел скорее почувствовать, сжать рукой эту нежную мягкую плоть, но почувствовал совсем другое. Неожиданно его рука наткнулась на что-то холодное и твердое, как металл. Удивленный, он поднял голову. Кейт смотрела ему прямо в лицо. И он не узнавал этого жесткого, холодного взгляда.

Опустил глаза и... отпрянул. Под комбинезоном он увидел немецкий мундир СС с металлическими пуговицами и блестящей пряжкой на портупее. Потрясенный, он снова вскинул на нее глаза. Она полулежала, прислонившись к противоположной дверце кабины. Ее бледное лицо словно застыло. Красивые бледные губы были неподвижны. Он сорвал с нее комбине-

зон, открыв серебряный погон на плече и металлические знаки СС на рукаве. И только в этот момент почувствовал, как холодная струя воздуха ударила ему в спину. Дверца машины за его спиной была открыта. Кейт посмотрела куда-то мимо него, за его плечом, вероятно на того, кто стоял за ним. Джейк резко протянул руку, чтобы взять автомат. Бесполезно – автомата не было. Тупой конец ствола уперся в спину. Он обернулся. Высокий человек со шрамом на щеке приказал по-английски выйти из машины. Из-под защитного комбинезона выглядывал белоснежный ворот рубашки с черным галстуком. Джейк оглянулся. Машина была окружена вооруженными людьми. Все – в камуфляже.

Он выпрыгнул из джипа – раздалась очередь. Американец, охнув, упал на снег, лицом вниз.

– Ты в порядке? – Скорцени протянул Маренн руку. – Выходи.

– Да, пожалуй, – она наклонилась вперед, он помог ей спуститься.

Снег летел в глаза; глядя на убитого Джейка, она прикрыла лицо рукой. Вокруг американца снег стал красным.

– Я уверена, Джилл не вынесла бы этого, – Маренн вздохнула. – Это точно. Хорошо, что она осталась в Берлине. Мне и то непросто.

А все еще только начинается.

– Господин оберштурмбаннфюрер, – к ним подошел Раух. – Виски оставлять или с собой возьмем?

– Возьмите несколько ящиков, – распорядился Скорцени, обернувшись. – По такой погоде пригодится. Как считает госпожа доктор? – он взглянул на Маренн.

– Я согласна, – кивнула она равнодушно и неотрывно смотрела на Джейка – его запорошило снегом. А у нее в ушах еще звучал его настороженный вопрос: «А ну, скажи, кто считается королем бейсбола?»

– побыстрее, Раух, – властный голос Скорцени вернул ее к действительности. – Не задерживайте нас.

– Слушаюсь, господин оберштурмбаннфюрер!

– Пора, его могут хватиться, – кивнув на мертвого американца, он взял Маренн за руку. – Нам нельзя раскрывать себя. Мы должны хорошенько помотать их, чтобы они занервничали.

– Ты знаешь, я категорически против участия Джилл в любых операциях, – у себя в кабинете на Беркаерштрассе Маренн опустила в кресло, достала сигарету. Скорцени дал ей прикурить.

– Это приказ Кальтенбруннера, – мягко возразил он.

– Приказ можно изменить, – Маренн вскинула голову. – Во всяком случае, сейчас это еще возможно. Я не пустила Джилл во Францию, где опасность была не так велика, хотя маки и планировали покушение на Петена. Но это ничто по сравнению с тем, чтобы отправиться с диверсионной группой в тыл американцев в самый разгар нашего наступления. Я бы хотела знать, с чего Кальтенбруннер вообразил, что Джилл способна на подобное, и кто надоумил его включить ее в список группы?

– Никто, – Скорцени сел, постукивая карандашом по столу. – Личная инициатива. Он знает, что Джилл родилась в Чикаго, и американский английский для нее родной язык. Он решил, что такой человек обязательно нужен в отряде.

– Непременно тот, который родился в Чикаго? – Маренн усмехнулась. – Даже если Джилл и родилась в Чикаго, она знает об Америке даже меньше меня. Мы уехали, когда она была совсем ребенком. Вся ее жизнь прошла в Европе. Конечно, английский у нее отменный, именно американского типа, но ведь Кальтенбруннер, насколько я понимаю, посылает вас не на нелегальную шпионскую работу в Вашингтон или Нью-Йорк, где важна каждая мелочь в костюме, не говоря уже об акценте. Он посылает группу диверсантов для проведения подрывных действий в тылу врага во время наступления. Это грубая работа, здесь тонкости ни к

чему. Здесь надо иметь физическую подготовку, выдержку, уметь стрелять, закладывать мины. Акцент не главное. А Джилл как раз ничего этого не умеет. У нее слабое здоровье. Она сразу простудится. Кроме того, она плохо стреляет. У нее только американский английский – все остальное в минус. Зачем Кальтенбруннеру такой диверсант, с которым забот больше, чем от него пользы? Ты объяснил ему? – она внимательно посмотрела на Скорцени. – Отто, я надеюсь, ты объяснил ему о Джилл?

– Я объяснил почти все то, что ты сказала, и даже больше, исходя из секретных деталей операции. Но шеф стоит на своем – в отряде обязательно должна быть женщина. Операция начнется в канун Рождества, американцы любят этот праздник, они наверняка расслабятся. А тут – красивая леди с хорошим английским, поманит одного, другого, – он усмехнулся. – Ну, Кальтенбруннер так рассуждает. Ведь нам главное не много убить в одном месте, а убить, желательно много, как можно в большем количестве мест, чтобы их охватила паника.

– Что значит поманит? – от возмущения Маренн выпрямилась. – Кем он считает мою дочь? У нее вряд ли получится! Она весьма сдержанна с мужчинами, стеснительна. У нее и с Ральфом все не просто, даже притом, что они знакомы почти шесть лет. Ты знаешь, она до сих пор не решается пригласить его в дом. Они встречаются в гостинице, даже когда я уезжаю на фронт и она дома одна. Это Ральф сказал мне, что они встречаются, она же и заикнуться боится. И все от смущения. А Кальтенбруннер ждет от нее, что она соблазнит взвод американцев. Нет, это невозможно. Она испугается, быстро выдаст себя. Кроме того, я повторяю, это очень опасно. Крайне. Наверняка будут стычки, перестрелки. Ее могут ранить и даже... – Маренн замолчала, опустив голову, пепел с сигареты упал на ковер рядом с сапогом. – Нет, я никогда не соглашусь на это, – она решительно покачала головой. – Если Кальтенбруннеру так нужна женщина, пусть посылает меня. Только не Джилл.

Зазвонил телефон. Скорцени снял трубку.

– Слушаю! – потом протянул ее Маренн.

– Тебя. Де Кринис, из Шарите.

Она подошла, взяла трубку.

– Говорите, Макс, – произнесла, стряхнув пепел.

– Я прошу прощения, что прерываю, фрау Ким, – послышался мягкий вежливый голос профессора. – Здесь в клинике вас дожидается некая фрау Эберхарт. Она привезла сына. Он был ранен на Восточном фронте, и вы обещали принять его в клинику.

– Фрау Эберхарт? – Маренн наморщила лоб, вспоминая. – Ах, да, конечно. Скажите ей, что я скоро буду. Благодарю вас, Макс.

Она повесила трубку.

– Я сейчас поеду в Шарите, – сказала, повернувшись, Скорцени. – Надеюсь, ты сегодня же донесешь мое предложение до обергруппенфюрера. И постарайся убедить его, что это правильный выбор.

– Ну, в некотором смысле – да, – Скорцени усмехнулся. – Я не сомневаюсь, что, в отличие от Джилл, если ты поманишь, прибежит не один американец, а целый взвод. И вполне может статься, сам Эйзенхауэр не усидит в штабе, такое я тоже допускаю. Это было бы большой удачей.

– Отто... – в ее голосе явно слышался упрек.

– И что ты, – он будто и не заметил его, – хорошо стреляешь и годишься для подобной операции.

– Ты сам знаешь, что стреляю я неплохо, – ответила она, – во всяком случае, получше Джилл. И на Восточном фронте мне не раз приходилось делать это. Имею опыт, во всяком случае. И английский у меня на должном уровне, хотя я и родилась в Париже, если это так важно. К тому же в отряде нужен врач. Я не права?

– Права.

– Тогда звони в канцелярию Кальтенбруннера и договаривайся, чтобы он принял тебя сегодня же. Не будем тянуть время. А я поговорю с де Кринисом, – она подошла в вешалке, сдернула кожаный плащ. – Не сомневаюсь, он меня отпустит. В клинике меня заменит доктор Грабнер. Ему не привыкать. Он очень опытный хирург, имеет солидный боевой опыт.

– Слушаюсь, – Скорцени приподнялся из-за стола. – Если так пойдет дальше, мне придется просить обергруппенфюрера назначить тебя командиром группы, а самому исполнять роль заместителя по подрывной работе.

– Не надо иронизировать излишне, – Маренн поморщилась. – Ты знаешь, я всего лишь хочу избавить Джила от ненужного риска. Мне вполне хватает того, что с нами нет Штефана. Куда уж больше?

Фрау Лотта Эберхарт присела на стул в белом, чистом коридоре клиники Шарите. Ее сына санитары только что увезли в палату. Элегантный профессор с богатой седой шевелюрой, любезно улыбаясь, попросил немного подождать, фрау Сэтерлэнд приедет с минуты на минуту. В его голосе сквозил приятный австрийский акцент, сам же он буквально очаровал фрау Эберхарт своей обходительностью. Кругом было тихо. Утренний обход только что закончился.

Ей вспомнилось, как два месяца назад она приехала сюда впервые. Не зная, что ее ждет, руководствуясь отчаянной, последней надеждой. Поезд пришел в Берлин рано утром. Всю ночь фрау Эберхарт провела в общем вагоне без сна. В сером утреннем тумане вышла на перрон, поживаясь от сырости, прошла в здание вокзала. Багажа у нее не было. Хотя она не знала, сколько времени предстоит провести в Берлине. Она не представляла себе, где будет ночевать и хватит ли денег на длительное пребывание в столице, если придется задержаться. При себе она имела скудные сбережения – все, что было. Многое зависело от того, удастся ли ей встретиться в клинике Шарите с женщиной, странное, не немецкое имя которой было записано у нее на листке. Эта бумага являлась самым дорогим сокровищем фрау Эберхарт. Она постоянно держала ее в руке и не выпускала всю ночь напролет, пока ехала в поезде, время от времени осторожно разжимая кулак и перечитывая строчки, написанные дрожащей рукой раненого офицера, однополчанина сына:

«Фрау Ким Сэтерлэнд, клиника Шарите, Берлин». Она чувствовала, что в этих строчках заключено ее будущее. Под мерный перестук вагонных колес за бессонную ночь пронеслась вся ее жизнь. Фрау Эберхарт была вдовой. Ее муж погиб на Первой мировой войне. Она в полной мере испытала все тяготы послевоенной жизни – голод, холод, безработицу. Сын Пауль был призван в армию в сороковом году и вернулся спустя три года... инвалидом. Под Сталинградом осколок попал в голову. Жизнь парню спасли, но вернуть к полноценному существованию уже не смогли. Врачи отказались от дальнейшего вмешательства, опасаясь, что жизнь пациента может оказаться под угрозой. Его ожидало слабоумие. К кому бы ни обращалась фрау Лотта за помощью – везде получала отказ. Ничего сделать невозможно более того, что уже сделано, – таков вердикт. Изо дня в день, из недели в неделю она видела, как разум угасает в глазах ее сына, а вместе с ним уходит и жизнь. Какая же это жизнь? Он лежал часами неподвижно, на спине, бессмысленно уставившись в потолок. Казалось, выхода нет, надо принять неизбежное. Но Бог сжалился – не зря фрау Эберхарт каждый день ходила в костел и молила святых о спасении сына. Два с половиной месяца назад навестить Пауля приехал его бывший однополчанин. Он был ранен при отступлении из Белоруссии, получил отпуск, а теперь снова направлялся на фронт. Пауль не узнал друга. Выслушав горестный рассказ фрау Эберхарт, за чашкой кофе у камина офицер сказал:

– Мне кажется, фрау Лотта, что есть доктор, который обязательно сможет помочь Паулю. Это женщина, хирург, она работает в берлинской клинике Шарите. Она специализируется как раз на повреждениях головного мозга и делает уникальные операции. Она очень многим вернула жизнь и здоровье. Вам надо обязательно обратиться к ней. Только попасть, говорят, очень трудно. Огромная очередь, к тому же еще надо добиться, чтобы военное ведомство выделило

деньги на операцию, ведь вы, как я понимаю, стеснены в средствах. Хотя слышал фрау Сэтерлэнд оперирует и бесплатно. Вам нужно поехать в клинику Шарите и проявить настойчивость. Уверен, она спасет Пауля. Я запишу ее имя, название клиники и адрес.

Слова офицера оживили в душе фрау Эберхарт уже угасшие надежды. Проводив гостя, она на следующий же день собралась в путь, оставив сына на попечение сиделки. Она осознавала, что по сути едет в неизвестность, финансы ее скудны, и шансы на успех, следовательно, весьма призрачны. Ведь офицер сказал, такая операция стоит дорого. А как добиваться квоты в военном министерстве – этого фрау Эберхарт вообще себе не представляла. Скорее всего, там с ней и разговаривать никто не станет, просто на порог не пустят. Но все равно, выбора не было. Она прикидывала, у кого занять, сколько принесет половина дома, которой она владела, если продать. А жить переехать к сестре Хельге в деревню – хотя бы на конюшню они с Хансом ее пустят.

Будет питаться чем Бог пошлет, все какая-то крыша над головой. Но главное – найти, встретить эту самую фрау Сэтерлэнд. Уж она уговорит ее, уприсит, встанет перед ней на колени. Только бы встретить ее!

Теперь фрау Лотта с улыбкой вспоминала, как в ту ночь в вагоне пыталась себе представить, как выглядит эта фрау Сэтерлэнд. Как всякая знаменитость, она представлялась ей женщиной с рекламных плакатов, спасительницей рейха, высокой, статной, с сильными руками и толстыми белыми косами, перекинутыми на грудь или убранными вокруг головы по древней германской традиции. Теперь ей и самой было смешно вспоминать об этом.

В Берлине фрау Эберхарт не была с середины тридцатых годов. Перед отъездом с трудом припомнила адреса некоторых берлинских знакомых той поры, на случай, если ей придется задержаться в городе. И со страхом подумала, что они, наверное, давно уже забыли ее и не захотят принять. А может, у них в семье такое же горе, как и у нее? Куда же деваться, если они ее не примут?

Впрочем, главное – Шарите. Где это? Куда ехать? На вокзале, только сойдя с поезда, фрау Эберхарт подошла к дежурному и, смущаясь, спросила, как ей лучше добраться до клиники. Дежурный, как ей показалось, весьма подозрительно взглянул на нее.

– Там у меня знакомая работает, – пояснила фрау Лотта и испугалась, что сейчас покраснеет, как это частенько с ней случалось.

Но дежурному, как оказалось, все равно. Равнодушно поглядывая по сторонам, он в нескольких словах объяснил фрау Эберхарт дорогу. Привыкшая к тому, что в ее родном Хайме все близко, фрау Эберхарт решила не брать такси, чтобы не тратить деньги, и даже не пользоваться метро, а отправилась в Шарите пешком. Она порядком намучилась на заполненных машинами и людьми улицах столицы, едва не угодив на Вильгельмштрассе под колеса новенького черного «хорьха» с правительственными номерами. Высокий подтянутый военный в блестящем кожаном плаще сердито отчитал ее.

Наконец, уставшая, растерянная, ни маковой росинки во рту, однако твердо решившая во чтобы то ни стало идти до конца, фрау Эберхарт очутилась перед входом в старинное здание клиники Шарите в самом центре Берлина. Задержавшись на мгновение и мысленно воззвав к Деве Марии, она толкнула рукой массивные двери и вошла в холл.

Было раннее утро. В холле никого. Не зная, куда идти, фрау Эберхарт, расстегнув пальто, поднялась по мраморной лестнице на второй этаж. На лестничной площадке стояла темноволосяя женщина в белом халате. Она курила сигарету, задумчиво глядя в окно на облетевшие ветви деревьев в саду.

Фрау Эберхарт подошла к ней.

– Извините, вы не скажете, – с трудом, запинаясь от волнения, произнесла она, – как мне пройти в отделение... – и вот катастрофа, она забыла, как называется это отделение, сложное слово вылетело у нее из головы.

Фрау Эберхарт покраснела, окончательно растерявшись. Женщина внимательно и серьезно смотрела на нее красивыми зеленоватыми глазами. В них фрау Лотта не заметила ни капли насмешки, которой так боялась, только сочувствие. Это ободрило смутившуюся женщину.

– Мне надо туда, где операции на голове делают, – пролепетала она. – Простите, я не помню, как называется.

– В отделение нейрохирургии? – спросила женщина мягко.

– Да, да, – обрадовалась фрау Лотта, вспомнив, что именно это слово называл однополчанин сына.

– Это по коридору прямо и направо, – произнесла женщина и сделала жест рукой, показывая направление. – Туда.

– Спасибо, спасибо вам.

Фрау Эберхарт заспешила по указанному пути. «Наверное, сестра», – подумала она о женщине, которую встретила на лестнице. Она даже не догадалась ни о чем в тот момент.

В коридорах было безлюдно. Совсем как теперь. Фрау Эберхарт свернула направо и... оказалась в тупике. Дальше дороги не было. По левой стороне она увидела дверь без таблички. Здесь? Или нет? Фрау Лотта снова ощутила растерянность. Она осторожно подергала за ручку. Дверь открылась. Яркий свет ударил в лицо. Она не помнила, как переступила порог. Какие-то люди в белых халатах с любопытством смотрели на нее. Одна из них, высокая белокурая женщина, подошла и громко спросила:

– Что вам угодно, фрау?

– Я бы хотела, вот...

Фрау Эберхарт поспешно раскрыла сумочку, ища драгоценную бумажку. Но, о ужас, бумажки не было.

– Сейчас, сейчас, минуточку...

Где же она? Была же здесь.

– Я ее вчера сюда клала.

– Что клали? – женщина пожала плечами.

Пот выступил на лбу у фрау Эберхарт. Сумочка выскользнула из рук и упала на пол.

– Я ищу...

Она с отчаянием взглянула на женщину, которая недоуменно рассматривала ее и вдруг... увидела бумажку у себя в руках. Она совсем забыла! Господи! Все время помнила и забыла! Радостно улыбнувшись, она прочла:

– Фрау Ким Сэтерлэнд. Я ищу фрау Ким Сэтерлэнд. Это вы? – она с надеждой взглянула на женщину. Высокая, сильная, как она и представляла себе. Женщина нахмурилась.

– А зачем вам фрау Ким Сэтерлэнд? – строго спросила она.

– Понимаете, – фрау Эберхарт заискивающе улыбнулась, как бы заранее задабривая незнакомку, и начала торопливо объяснять. – Мой сын был тяжело ранен на фронте. Сейчас он дома. У него ранение в голову. Очень серьезное. Ему никто не может помочь. Мне сказали, что вы...

– Но вы же должны знать, – женщина резко оборвала ее, не дослушав. – Вы должны знать и прекрасно знаете наверняка, что война идет на огромном фронте и таких раненых, как ваш сын, у нас десятки тысяч. И всем необходима помощь.

Дверь открылась. Темноволосая женщина, которую фрау Эберхарт встретила на лестнице, вошла в палату и подошла к столу у окна. Она стояла молча, перебирая какие-то бумаги на столе, не проявляя никакого интереса к происходящему. Только один раз фрау Лотта поймала на себе ее долгий внимательный взгляд. А белокурая докторша тем временем продолжала громогласно вещать:

– Существует очередь. И, как я уже сказала, она состоит даже не из десятков – из сотен человек. Вашему сыну пока помогли, он может подождать, запишитесь в очередь. Есть раненые, которым необходимы немедленная операция и лечение, мы не можем отказать им в помощи, занимаясь с вашим сыном. Кроме того, на какие средства вы собираетесь его лечить? За свой счет? Вы получили санкцию в военном ведомстве, что оно готово погасить расходы? Если нет, тогда есть ли у вас страховка? На какую она сумму? В каких войсках вообще служил сын? В вермахте, в люфтваффе, в СС?

– Он в пехоте, просто в пехоте...

– Ну вот видите, вы толком ничего и не знаете. Сходите в военное министерство, там надо оформить бумаги, это тоже займет время. Давайте я запишу вас... Как ваша фамилия? Не могу обещать, что все будет скоро. Очевидно, через год-полтора, не раньше.

– Нет! – фрау Эберхарт вскрикнула, и слезы против воли полились из глаз. – Я умоляю! Вы слышите, я умоляю! У меня нет страховки, платить каждый год мне не по карману, и я не знаю, к кому идти в военном ведомстве. Я знаю только одно, что год-полтора мой мальчик не проживет. Я потеряю его, навсегда! Поймите! Я готова заплатить любые деньги, я все продам, все, что имею, влезу в долги, буду жить на улице, но, пожалуйста, возьмите его на лечение, он у меня единственный, мой мальчик. На прошлой войне я потеряла мужа. Поймите...

– Успокойтесь, – негромко сказал кто-то рядом с ней. – Встаньте, пожалуйста.

Поддержав под руку, ей помогли подняться. Сквозь пелену слез фрау Эберхарт с трудом различала лицо женщины, стоявшей рядом. Густые темные волосы заплетены в косу и собраны в узел на затылке. Красиво очерченные темные брови выделяются на благородном лице. В руках она держала стакан воды и лекарство.

– Успокойтесь, фрау, – повторила она. – Примите это.

Достав из сумочки носовой платок, фрау Эберхарт поспешно вытерла слезы, судорожно глотнула воды. Она заметила, что все, кто окружал их, в том числе и высокая блондинка, почтительно отступили на шаг. В палате воцарилась тишина. Женщина взяла из рук фрау Эберхарт стакан и поставила его на стол.

– Покажите мне историю болезни, – попросила она, внимательно взглянув на фрау Эберхарт.

– Что? – фрау Эберхарт снова растерялась. – Я...

– История болезни у вас с собой? – повторила женщина терпеливо. – Я хочу посмотреть, какой диагноз у вашего сына. У вас есть какие-то документы на него?

– Да, да, конечно, – фрау Эберхарт достала из сумочки смятые листки бумаги. Женщина взяла их, быстро просмотрела.

– Вы приехали из Хайма? – спросила она.

– Да, – фрау Эберхарт подтвердила, чувствуя, что от волнения силы покидают ее. – А что?

– Это довольно далеко. Время у нас еще есть, – женщина взглянула на высокую блондинку. – Можно попытаться получить страховку от военного министерства. Чтобы вам не тратиться и ничего не продавать, – пояснила она фрау Эберхарт. – Займитесь этим, Герд, – кивнула она блондинке. – Я возьму вашего сына на операцию примерно через месяц.

– Но! – фрау Эберхарт в отчаянии сжала руки на груди.

– Ничего страшного, – женщина успокаивающе тронула ее за локоть. – Поверьте мне, за этот месяц состояние вашего сына вряд ли изменится к худшему, все самое страшное позади. При проникающих ранениях в голову почти девяносто процентов раненых умирают, помочь им нельзя. Но ваш сын выжил, это уже чудо. И мы сможем сделать для него большее, вернуть к полноценной жизни. За это время вы получите деньги от военных, и вам не придется влезать в долги. С вами поедет сиделка, фрау Кнобель, – она указала на полную даму с белоснежной заколкой на голове. – Она подготовит вашего сына к операции. Уход за такими больными сложен, в одиночку вы можете не справиться. Как только военные расщедятся, я

возьму вашего сына, не сомневайтесь в этом. Герд, внесите фамилию в список и сегодня же свяжитесь с министерством, – распорядилась она. – Фрау Кнобель позаботится о том, чтобы вы благополучно добрались до Хайма. Она очень опытная сестра, и ей известны все рекомендации. А я на сегодня прощаюсь.

Коротко кивнув фрау Эберхарт, темноволосая женщина отошла в сторону, открыла шкаф, сняла белый халат. Под халатом на ней был черный мундир с серебряным погоном на правом плече.

В палату постучали, фрау Эберхарт вздрогнула. Дверь открылась, на пороге показался офицер в черной форме и блестящем кожаном плаще, точно таком, как посетительница видела на обругавшем ее молодом человеке из «хорьха».

– Машина у подъезда, фрау, – доложил он, подняв руку в приветствии. Затем подошел к женщине, помог ей надеть форменный военный плащ.

– Бригадефюрер ждет, – произнес уже тише.

– Хорошо, идемте, – женщина кивнула. Потом снова повернулась к блондинке.

– Фрейлейн Герд, когда придет профессор де Кринис, передайте ему, что я в Управлении. Пусть позвонит мне туда.

– Слушаюсь, фрау.

Женщина вышла в сопровождении офицера. Фрау Эберхарт смотрела ей вслед, когда до нее донесся голос сестры:

– Подойдите сюда, фрау. Как фамилия вашего сына? В каком он звании? В каких войсках служил? Где и когда получил ранение?

– Пауль Эберхарт, – пролепетала фрау Лотта, едва повернувшись к ней. – Он служил в пехоте. Обер-лейтенант. Ранен под Сталинградом, в ноябре сорок второго года... А кто это был, скажите? – спросила она сестру, указывая взглядом на дверь, в которую только что вышли женщина и офицер.

Высокая блондинка усмехнулась.

– Вам повезло. Это сама фрау Ким Сэтерлэнд. Ее решение – закон здесь. Дайте мне, пожалуйста, историю болезни, я выпишу оттуда данные.

– Но постойте же, я даже не поблагодарила ее!

Оставив Герд, фрау Эберхарт выбежала из палаты и, как могла быстро пробежав по коридорам, спустилась по лестнице вниз.

«Только бы она еще не уехала!» – стучало в голове.

Она выбежала из подъезда, когда фрау Сэтерлэнд как раз садилась в машину. Она сразу заметила фрау Эберхарт.

– Ральф, подождите, – попросила она офицера, сидевшего за рулем.

Задыхаясь, фрау Эберхарт подбежала к ней.

– Какие-то трудности?

– Я так благодарна, фрау, вы не представляете, – прошептала женщина срывающимся голосом. – Если бы я только могла объяснить...

– Ничего не нужно объяснять, – врач ответила мягко, даже ласково. – Я вас прекрасно понимаю. У меня тоже был сын. Единственный. Он воевал под Сталинградом. А спустя год погиб под Белгородом. Наверное, он был ровесник вашему. Не волнуйтесь, – она взяла фрау Эберхарт за руку и сочувственно пожала ее. – Все будет хорошо. Вашему сыну можно помочь, и я это сделаю. Пока же во всем полагайтесь на фрау Кнобель, а я жду вас примерно через месяц. Всего хорошего.

Доктор едва заметно улыбнулась. Дверца захлопнулась. Разбрызгивая лужи, машина тронулась по осенней слякоти. А фрау Эберхарт долго смотрела ей вслед. Потом повернулась и медленно вошла в подъезд. Поднялась по лестнице, вернулась в палату – отдать историю болезни сына. Она не могла поверить, что все устроилось лучше, чем она даже смела надеяться.

Однако подождать пришлось подольше, чем предполагали. Военное министерство хотя и работало четко, как все ведомства Третьего рейха, несмотря на почти трагическое положение на фронтах, но документы Пауля задержало и вместо месяца рассматривало почти два. Но, как и предполагали, решение оказалось положительным – деньги выделили. Вместе с фрау Кнобель Лотта привезла сына в Берлин. Помимо операции военные оплатили им проезд. Фрау Кнобель сообщила по секрету, что это вовсе не входило в планы ведомства, но госпожа Сэтерлэнд сама разговаривала с чиновником и настояла.

– Фрау Лотта, здравствуйте! – она повернула голову, Маренн шла по коридору. – Мне сказали, что вы приехали. Как добрались? Где ваш сын?

– Его отвезли в палату, так распорядился очень вежливый профессор, который принял нас, – сообщила ей фрау Эберхарт. – Я волнуюсь.

– Не стоит, – Маренн поспешила успокоить женщину. – Все волнения уже позади. Вашего сына взяли на обследование, чтобы определить его состояние. Вы же пока можете отдохнуть. Герд сообщила, что вам заказан номер в гостинице. Это недалеко, можете пока отдохнуть с дороги.

– Но... – фрау Эберхарт потупилась и покраснела, – у меня нет денег на то, чтобы жить в центре Берлина. Конечно, мы сэкономили на проезде...

– Платить ничего не придется. Все уже оплачено. Мне удалось уговорить военное ведомство и на это. Дело в том, что ранение, которое получил ваш сын, требует длительного, серьезного лечения. Операция, которую мы собираемся делать, весьма дорогостоящая, уход тоже недешев. Но я пообещала военным, что за операцию они заплатят меньше, так как сама я буду работать бесплатно, а мои услуги обычно обходятся им в приличную сумму, за это они оплатят вам жилье. Вот такая сложная арифметика.

– О, я не знаю, как благодарить, – фрау Эберхарт низко склонила голову. – Но когда же мне находиться в гостинице? Я бы хотела все время быть с Паулем.

– Боюсь, придется потерпеть, – Маренн взяла фрау Эберхарт под локоть. – Во-первых, нет никакой необходимости оставаться с сыном, потому что все это время с ним будет очень опытный персонал. Пауль будет находиться в специальной палате. Вы сможете видеть его, но только через стеклянный экран. Допустить вас к нему мы не сможем. Это произойдет уже после операции. Так что пойдемте, фрау Эберхарт, к фрейлейн Герд, она позаботится о том, чтобы вас поселили в гостиницу. Можете погулять по городу, хотя Берлин бомбят неустанно, но центр более-менее сохранился. И очень прошу, – фрау Ким внимательно посмотрела на женщину. – Никакого пренебрежения опасностью. Как только услышите сигнал воздушной тревоги, немедленно спускайтесь в бомбоубежище. Обратитесь на улице к сотрудникам военной полиции, к любому военному, если не сориентируетесь, даже к девушкам из гитлерюгенд – они подскажут, куда идти. Вы поняли меня?

– Да, конечно.

– Фрау Кнобель будет постоянно сообщать, как идут дела. Надеюсь, вы нашли общий язык?

– О, это замечательная женщина!

– Маренн, я категорически против твоего участия в этом наступлении, – в Гебесберге начальник Шестого управления РСХА бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг не скрывал своего раздражения. – Это авантюра, полностью провальная операция. Американцам уже прекрасно известны все ее подробности, они дешифровали наши радиogramмы, к тому же активно используют данные воздушной разведки. Им известны все перемещения наших войск и их концентрация к востоку от Арденн. Наша агентура сообщает, что Эйзенхауэр и Брэдли абсолютно уверены в неизбежности этого наступления, и готовятся к отражению, оттягивая крупные мобильные группировки своих войск к северу и югу от Арденн, вот сюда, – Шелленберг показал на карту. – А в самих Арденнах они намеренно ослабляют оборону. Ты не военный

человек, но посмотри, это понятно даже дилетанту, чем может закончиться для нас такое наступление в форме клина, когда нас с севера и юга атакуют мобильные силы противника. Это котел, окружение. И следовательно – плен. Наступление в Арденнах серьезная ошибка, оно обречено на неудачу. Только совершенно бессмысленные жертвы.

– Но разве нашим военным не известно, что американцы разгадали их планы? – Маренн пожала плечами. – Зачем тогда они настаивают? Возможно, операцию надо перенести, внеся в нее изменения.

– Это понятно, – повторил Шелленберг, усаживаясь за стол, – но только не Кейтелю и не фон Рунштедту. Они согнали к Арденнам полмиллиона человек, две тысячи танков и артиллерийских орудий. Вдохновили фюрера грядущей молниеносной победой и теперь не знают, как сказать ему, что, скорее всего, все провалится, так как их же собственный абвер, с которым у меня одна головная боль, допустил утечку информации, а это позволило американцам дешифровать радиogramмы. Я докладывал рейхсфюреру положение дел, и он не далее как сегодня утром имел беседу с Кейтелем. Они стоят на своем. Возможный прорыв километров на сто на запад под Рождество окончательно затуманил им мозги, они даже не хотят думать о том, что будет дальше, лишь бы фюрер был в восторге и простил им все, что они натворили в последнее время на Восточном фронте. К тому же они уверены, что Арденны – счастливое местечко для Германии. В августе 1914 года там проводил наступление принц Альбрехт Вюртембергский, и французов разгромили наголову.

– Я помню.

– Но теперь не четырнадцатый год, начало Первой мировой войны, а конец сорок четвертого, и положение наше значительно отличается от прежнего. Кроме того, я уверен, союзники наверняка договорятся с большевиками и потребуют от них решительных действий, чтобы смягчить удар в Арденнах. Зачем тебе лезть во всю эту мясорубку, тем более отправляться туда даже не с медицинской миссией, а в составе диверсионной группы?!

– Я же сказала тебе, Вальтер, – Маренн подошла и опустилась в кресло напротив. – Потому что Кальтенбруннер включил в состав группы Джилл. Никого не спрашивая, ни с кем не советуясь, просто вписал ее – и точка. И поставил подпись. Все. Делайте что хотите. Боец со знанием английского найден. А то, что она и двух километров не пройдет пешком по снегу ночью в лесу, это кого волнует? Она же офицер, оберштурмфюрер СС, извольте исполнять.

– Я знаю, Кальтенбруннер упрям как осел, – Шелленберг кивнул. – Рейхсфюрер поручил ему заниматься всеми аспектами этой диверсии, и уж он развернется во всю ширь своей глупости, можно не сомневаться. Мне не совсем понятно, зачем ему женщина со знанием английского, если все участники группы прошли специальные курсы подготовки. Они вполне способны изобразить американцев, хотя бы в общих чертах.

– Как выразился Кальтенбруннер, будет Рождество, американцы расслабятся, – Маренн улыбнулась. – Джилл поманит одного-другого, в общем, ты понимаешь. Это в его стиле. Ни на что большее он не способен.

– Если Кальтенбруннер собирался придать всей эпопее сексуальный шик, – Шелленберг криво усмехнулся, – то ему следовало позаботиться о подготовке к заброске в тыл противника особого женского подразделения, у нас есть такие кадры, которые без всякого английского ловко справляются со своим делом. У Мюллера таких красоток, хоть отбавляй. И уголовный элемент, и повыше рангом, аж для министров. В салоне Кити, например.

– Как бы то ни было, – Маренн вздохнула, – он включил Джилл в список. И не хочет слушать никаких доводов, хотя Скорцени пытался объяснить ему, что в этом нет никакой необходимости. Еще неизвестно, согласится ли он заменить Джилл мной. Ты понимаешь, я не могу отпустить дочь. После смерти Штефана – ни за что.

– Если он не уступит, я попробую поговорить с рейхсфюрером, – наклонившись вперед, Вальтер внимательно посмотрел ей в лицо. – Но отправить в Арденны тебя для меня едва ли легче, чем Джилл, ты знаешь это.

– Тем более со Скорцени, – она опустила голову. – Я понимаю.

Прекрасная и знаменитая Марлен Дитрих, прощаясь, едва скрывала слезы. Но, как истинная актриса, старалась держаться непринужденно и даже весело. Гордость не позволяла дать понять, как она подавлена и как глубоко страдает.

– Я уезжаю, – сказала она как бы небрежно, невзначай, – в Америку.

– Замечательно. Я рад.

Он был вежлив, но холоден, не давая ей ни малейшего повода к сближению. Для него эта история уже была закончена.

– Я рад за тебя. Ты увидишь небоскребы и Миссисипи. Говорят, в Америке много интересного.

– Я уезжаю, – повторила она громче, в голосе сквозили рыдания.

Она смотрела на него с мольбой. Синева ее глаз была полна отчаяния. Он будто не замечал этого.

– Счастливого пути, – ответил он холодно и встал, потушив сигарету в пепельнице. Надел фуражку. Оставались секунды до полного и окончательного расставания. Уже не владея собой, она вскочила. Слезы потекли по щекам, и ему в лицо она прошептала сдавленным голосом:

– Я ненавижу тебя. Ненавижу. Будь ты проклят. Ты не будешь счастлив. Никогда.

Его холодные глаза удивленно блеснули из-под черного козырька фуражки. Он молча повернулся и вышел из комнаты, не произнеся ни слова. Так же, как когда-то вошел в ее жизнь.

«Когда он вошел, в высокой черной фуражке, я поняла, что это опасный мужчина...»

Голос Марлен на старой, заигранной пластинке затих, раздавалось лишь шипение иглы по крутящейся поверхности диска.

Оберштурмбаннфюрер СС Скорцени, оставив фужер с виски на столе и недокуренную сигарету в пепельнице, подошел к проигрывателю и поставил пластинку сначала, потом снова улегся на диван, затянувшись сигаретой. Сегодня он вспомнил Марлен и их прощание. Он понимал, как она страдала. Его собственная боль, которую он старался заглушить спиртным, заставляла вспоминать и понимать Марлен. Тогда он прекрасно знал, что она уезжает из-за него. Потому что не может вынести, что он так холодно и бесповоротно решил поставить точку в их отношениях, поменяв ее на Анну фон Блюхер. Мог ли он представить тогда, что эта далекая страна, эта самая Америка, пришлет ему другую женщину, как бы в отместку, в наказание за страдания Марлен. Женщину с похожим именем и совсем-совсем не похожую на известную актрису. Женщину, ранившую его сердце.

– Она была права, Алик, – после долгого молчания произнес он, обращаясь к другу.

Науйокс сидел в кресле и так же молча курил, размышляя над какой-то бумагой.

– Кто? – не понял он.

– Она, – Скорцени кивнул в сторону проигрывателя. – Марлен Дитрих. Я несчастлив.

– Брось, – поморщился Алик, – кто теперь может быть счастлив, когда английская бомба в любой момент может шарахнуть по макушке? Война. Знаешь, – он оживился и, видимо, желая повеселить Отто, лукаво произнес: – я, вообще, тебе завидую. Вот видишь, Ирма мне написала, сколько ей надо на расходы. У меня волосы дыбом, куда ей все это. А тебе совсем не надо тратить денег.

Скорцени недоуменно поднял бровь, не понимая, при чем тут это.

Но Алик бодро продолжал:

– Нет, я, конечно, очень люблю Ирму, кто спорит. Но я же – не банк. И даже не обергруппенфюрер. У меня жалованье поменьше. Сердце кровью обливается, когда она идет тратить мою зарплату. Видишь? – он махнул листком. – Тут на три месяца вперед. Большевики уже

будут в Берлине, а Ирма все еще будет расплачиваться с кредиторами. Если они, конечно, не разбегутся от страха. А у тебя – полный порядок – никаких расходов, все на государственном обеспечении. Маренн получает не меньше, чем ты сам, к тому же ей доплачивают за степень, за работу в боевых условиях, еще черт знает за что. И, кроме всего прочего, она получает от государства пособие как мать погибшего солдата, тем более героя. Джилл – тоже обеспечена. Ей хватает жалованья. В общем, никаких проблем.

– Кроме одной, – поправил его Скорцени.

– Какой? – удивился Алик.

– Что Маренн, собственно, мне никто. Она живет совершенно отдельной, самостоятельной жизнью.

– Мы с Ирмой тоже не расписаны и не обвенчаны, – возразил Науйокс. – Но это ведь ничего не меняет. Деньги все равно надо тратить.

– Твоя Ирма постоянно с тобой. Она любит и ждет тебя, – Скорцени произнес эти слова намеренно равнодушным тоном, но в голосе предательски прорвалась тщательно скрываемая тоска. – Она любит и ждет только тебя, – повторил он задумчиво.

Алик промолчал. Он наблюдал, как пепел с сигареты медленно падает на ковер, и ничего не отвечал. Потом произнес негромко:

– Не всегда было так. Но я стараюсь не вспоминать.

Скорцени зло усмехнулся.

– Лучше всех Шелленбергу, – с сарказмом произнес он. – Ему не надо тратить на любовницу. Утехи в Гедесберге обходятся бесплатно. Всем надо содержать любовницу, а Шелленбергу – нет. Вот здорово, – и, не сдержавшись, он с яростью швырнул недопитую бутылку виски в патефон. Раздался пронзительный визг иглы по пластинке, звон разбитого стекла. Аппарат опрокинулся, пластинка упала на пол и разлетелась на куски. Разлитая по тумбочке пахучая коричневая жидкость стекала на ковер собираясь в большое темное пятно, похожее на лужу крови.

Немецкая овчарка Вольф-Айстофель, недовольно фыркнув, вышла из-под стола и улеглась на свободное кресло.

– Ты разбудил собаку, – заметил Алик и пожал плечами. – По-моему, ты преувеличиваешь. К тому же тебе представляется шанс покончить с соперником. Ты отправляешься с ней в Арденны. На свежем воздухе, вдали от Берлина, знаешь ли...

– Не иронизируй. Арденны – не курорт. Я бы предпочел, чтобы они остались в Берлине. И она, и Джилл.

– А что же Кальтенбруннер? Ты был у него? Что он сказал?

– Пока ничего. Насупись и обещал подумать. То, что Джилл не поедет, я почти уверен. Ради этого она сейчас поехала в Гедесберг к Шелленбергу. В случае, если Кальтенбруннер упрется, тот надавит через рейхсфюрера. Возможно, поедет она сама. Но мне бы не хотелось, чтобы Шелленберг лез в это дело. Операцию планировали без него.

– Как же без него? Он начальник Управления и, конечно, в курсе всего. Кальтенбруннер шага не сделает, не заручившись поддержкой рейхсфюрера, он трусоват, а тот всегда сообщит Шелленбергу, у них удивительное взаимопонимание. Впрочем, если он надавит и в список внесут Маренн, ты чем недоволен? Что бы там ни случилось, она будет под твоей защитой. А строить глазки и стрелять, между прочим, – я даже и не знаю, кто лучше справится и с тем и с другим одновременно.

– Ей лучше всего оставаться дома.

Скорцени подошел к шкафу, достал бутылку коньяка, плеснул в рюмку.

– А кто против? – Алик усмехнулся. – Тут все за. Кроме Кальтенбруннера. А он заместитель Гимmlера. И все. Приехали. А Марлен, я слышал, – Алик кивнул на разбитую пла-

стинку, – теперь для американцев выступает. Наверняка в Арденны приедет. Так что если вы в американскую форму оденетесь да джипами обставитесь, она и для вас споет. Еще встретитесь.

– Мне не хотелось бы, – Скорцени пожал плечами. – Ведь тогда ее придется убить. У нас приказ – убивать всех.

Прислонившись спиной к стенке окопа, капитан Джеймс Монтегю поднял голову. Высокие заснеженные сосны, казалось, устремлялись ввысь, к высокому голубеющему небу. Какой краской передать эту ускользящую синеву? Смешать кобальт и ультрамарин? Небо над головой напоминало ему по цвету воды Ла-Манша – когда дует восточный ветер, они мутнеют, покрываются рябью, а у песчаного берега вскипают мелкими сердитыми бурунами, а потом утихомириваются так же неожиданно и сияют под высоким прозрачным небом, переливаясь неувловимым кобальтом и ультрамарином. Чайки с криками носятся над водой, то и дело ныряя вниз в поисках корма, и их серые перья искрятся от соленых брызг. Сколько времени провел он на берегу в рассветные часы, пытаясь передать на холсте волшебство природы? Он ставил по несколько мольбертов, и как только свет менялся, начинал новое полотно. Он писал Ла-Манш почти сорок пять раз, и ни одна из картин не походила на предыдущую. И ни в одной он не поймал истинного цвета. Небо ослепляло, от его радостной голубизны кружилась голова. Джеймс закрыл глаза. И вдруг... он услышал музыку. Кто-то играл на рояле «Лунную» Бетховена. Спокойная, романтическая, она звучала как-то по-особенному. Сначала у Джеймса мелькнула мысль – он задремал, и «Лунная» слышится ему во сне. Он открыл глаза. Но музыка не исчезла. Она еще тонула в редких автоматных очередях – на флангах продолжалась перестрелка с немцами, – столах раненых, криках команд, отдаленном уханье пушек. Но стрельба вскоре стихла, а музыка осталась.

– Пит, это что? Радио? – Монтегю окликнул одного из солдат своего взвода. – Кто это включил?

– Никак нет, сэр, – ответил тот. – Похоже, немцы музицируют. Вот взгляните, – он протянул Монтегю бинокль.

Джеймс взял, поднес к глазам, всмотрелся. Действительно, музыка доносилась с немецкой стороны, с развалин бельгийской деревни, которую они только что штурмовали и вынуждены были откатиться, столкнувшись с упорным сопротивлением. Солнце, пробиваясь сквозь дым, золотистыми стрелами скользило по остроконечным остовам стен, точно в растерянности, заглядывало в пустые глазницы окон разрушенных домов.

– Вот в том доме играют, мне кажется, – Пит указал рукой вправо. – Может, кто из жильцов остался?

Но разглядеть что-то даже в бинокль было трудно. Вокруг точно вымерло все – только музыка, и больше ничего. Еще несколько минут назад мелькали каски немецких пехотинцев, а теперь – как сквозь землю провалились, никого.

– Размузицировались, Шопены! – от соседнего взвода подполз лейтенант Эшли. – Ты что-то видишь? – спросил Джеймса насмешливо. – Где они?

– Нет, – Джеймс пожал плечами, – хотя нет, погоди. Вижу.

Лучик осветил развалины дома, на который только что указал Пит, – и он действительно увидел. На высоте второго этажа над лестничным пролетом, как над пропастью, нависал черный концертный рояль, казалось, он каким-то чудом держался, не падая вниз. За роялем на круглом вертящемся стуле сидела женщина в полевой немецкой форме. Длинные темные волосы покрывали ее плечи, падали на клавиатуру, закрывая лицо. У ее ног лежала большая серо-черная овчарка. Только они вдвоем – никого больше. А еще – Бетховен.

– Там женщина, – Джеймс повернулся, – она играет.

– Из местных?

– Нет, похоже, немка.

– Хорошенькая?

– Не знаю. Но судя по гриве, не дурна.

– Дай взглянуть, – Эшли отобрал у него бинокль и через мгновение свистнул громче. – Да, штучка. У нее погоны на плечах. Ни много ни мало, эсэсовка.

Порыв ветра разворошил волосы женщины, движением головы она отбросила их назад – теперь и Джеймс, взяв бинокль назад, видел серебряный погон и металлические буквы SS на черном бархатном воротнике мундира под форменным плащом.

Музыка неожиданно прекратилась. Немка повернула голову. Овчарка, лежащая у ее ног, вскочила. Большие светлые глаза женщины взглянули прямо в окуляры бинокля – словно она посмотрела прямо ему в сердце. Печальный взгляд, в котором он прочел и горечь, и боль, и тоску, и смертельную решимость – все в долю секунды, в одно мгновение.

– Она похожа на Венеру Боттичелли, на Мону Ванну Россетти, на девушку с картины Генри Мэгона «Моя возлюбленная», – произнес Джеймс взволнованно. – Он написал ее во время Первой мировой войны. На ту, которую он изображал на картинах «Звуки цветов» и «Свет жемчуга». Я много раз пытался копировать, когда учился в Королевской академии. Но ни разу мне не удалось передать ее взгляд... вот этот...

– Что-что? – Эшли в недоумении уставился на него. – На кого она похожа? Я, конечно, не художник, но тоже кое-что читал о прерафаэлитках и их последователях. Мэгон писал свою подругу. Она была то ли француженкой, то ли англичанкой, какая-то знатная девица.

– На самом деле она была австриячкой, – ответил Джеймс. – Это ее взгляд. Другого такого не найдется во всей истории живописи. Я всегда думал, что Мэгон придумал его. Я никогда не верил, что «Моя возлюбленная» существовала на самом деле.

– Ты хочешь сказать, что это она? – Эшли недоуменно пожал плечами. – В этой эсэсовской бригаде, которая укрепилась в деревушке? По-моему, это бред.

– Я только хочу сказать, что этот взгляд я искал почти десять лет. И мне плевать на все остальное.

Бросив бинокль, он схватил папку с рисунками, лежавшую рядом с автоматом, перевернув какой-то пейзаж, начал делать набросок. В это время послышался артиллерийский залп. Из укрытия, где затаилась немецкая пехота, выбежал офицер, схватил женщину за руку и увел с собой. Через мгновение снова ухнул снаряд. Обломок стены, удерживавший рояль, накренился и вместе с инструментом рухнул вниз. Застонали, заохали струны, вдалеке жалобно завyla собака. Но вскоре все звуки потонули в грохоте канонады. Снова застучали автоматы, медленно маневрируя вдоль фронта, поползли танки.

– Приготовиться к атаке! – пронеслось по траншее.

– Все, я пошел к своим, – Эшли побежал, пригибаясь, по окопу.

Спрятав набросок, Джеймс снова взял бинокль. Теперь он видел только развалины – больше ничего.

Они поднялись в атаку. Он не слышал, как свистнула пуля, сразившая его. Споткнувшись, упал лицом в снег с пробитой головой. Кровь текла по щекам, капала на униформу. Он хотел пошевелиться и не мог. Замолкли взрывы, растаяли, точно унеслись в вечность голоса солдат. Осталась только музыка. Она звучала все громче, громче и вдруг... оборвалась.

– Английские художники, это твоя слабость, я знаю, – высокий немец со шрамом на лице усмехнулся, повернувшись к ней. – У нас приказ убивать всех. И художников тоже. Разве ты не знаешь?

Его захватили, когда он потерял сознание. Было темно. Он лежал на еловых ветках, укрытый теплым плащом. Наверху в кронах деревьев гудел ветер. Горел костер, весело трещали поленья, рассыпая алые искры, скрипел снег под ногами часовых, слышалось бряцание автоматов. Он повернул голову – вокруг костра сидели немцы. Впрочем, он догадался, даже не глядя, только услышав их речь. Он попал в плен.

– Как вы себя чувствуете? – его спросили по-английски.

Женский голос, чуть надломленный, певучий. Он приподнялся. Она стояла на коленях рядом с его ложем и складывала бинты после перевязки.

– Вам лучше?

Он потрогал повязку на голове. Отбросив длинные волосы, слипшиеся от снега, она посмотрела на него. И он почувствовал, как сердце заколотилось от волнения. Этот взгляд он узнал бы из тысячи.

– Я видел картины Генри Мэгона в Академии художеств в Лондоне, – проговорил, едва переведя дух. – Я там учился. Пытался их копировать, но у меня ничего не вышло. Вы знали его?

– Больше того, – уголки ее губ дрогнули, – он был моим мужем. И отцом моего сына.

– Так это вы...

Она опустила голову. Потом спросила, ее голос прозвучал глубже.

– Так вы художник?

– Да, я закончил Академию в тридцать восьмом. Все это время я думал, что вас не существует на самом деле.

– Я тоже, бывало, думала, что не существую. Но память о Генри помогала мне жить.

– Но вы же... как же вы оказались... – он осекся, не зная, как выразиться.

– Среди немцев? – закончила она вместо него. – Наверное, для того, чтобы вы убедились, капитан, – Генри Мэгон меня не выдумал. Я была и есть. И нам суждено было встретиться. Вот поешьте, – она пододвинула ему дымящийся котелок. Второй рядом безнадежно остывал на ночном морозе. – Не бойтесь, вас не убьют, – она протянула руку, тонкие пальцы Моны Ванны прикоснулись к его обросшему щетиной лицу.

– Я не боюсь, – преодолевая слабость, он взял ее руку, поднес к губам. – Теперь мне не страшно умирать.

– Не говорите так. Ешьте. Вам нужны силы.

Он вынул из кармана рисунок и протянул ей.

– Я видел вас сегодня. Хотел нарисовать. Но не успел закончить. Возьмите, на память.

Она взяла рисунок, взглянула, на нем запеклись капли крови. Потом вернула ему.

– Нет, нет. Вы закончите, еще будет время, я уверена. Вот вам карандаш. Я так хочу.

Подошел офицер в немецкой форме. Маренн повернулась.

– Фрау, – произнес он, – господин оберштурмбаннфюрер просит срочно подойти к нему.

– Сейчас иду, Фриц, – кивнула она. И поднялась.

Сидя у костра, Скорцени рубил жареное мясо ножом с зигзагом SS на рукоятке. Рядом на снегу расположился Айстофель, терпеливо дожидаясь своего куска. Когда она подошла, Отто взглянул на нее мрачно.

– Я знаю, чего ты хочешь, – начал без вступления. – Чтобы мы сохранили ему жизнь. Но это невозможно. Мы убиваем даже собственных раненых, чтобы они не стесняли нас.

– Он нас не стеснит. Я сама отвезу его на джипе в американское расположение. Меня никто не заподозрит, медсестра – и медсестра. Сдам в госпиталь.

Скорцени смотрел перед собой, протыкая ножом снег. Он знал, что должен отказать, и понимал, что не сможет. Не сможет расстрелять этого англичанина у нее на глазах, после того, как она попросила сохранить ему жизнь. Он уже один раз сделал так, в сорок первом под Москвой, и это едва не разрушило их отношения. Нет, повторить подобное невозможно. Все и так держится на волоске. Английскому сэру повезло.

– Вот что, – он поднял голову и взглянул ей в лицо, она затаила дыхание. – Одна ты его не повезешь, с тобой поедет Раух, – он кивнул адъютанту. – Ни о каком госпитале не может быть и речи. Оставьте в расположении и – все, никакого риска. Так, чтобы его быстро нашли. Думаю, он будет молчать. Иначе ему придется объяснить, как случилось так, что он попал к диверсантам, а его оставили в живых. Контрразведка с живого с него не слезет. Так что

придумает что-нибудь более правдоподобное. Мы будем ждать вас в квадрате Ф, – он показал на карту. – Ясно, Раух?

– Так точно, господин оберштурмбаннфюрер.

Когда она вернулась к Джеймсу, тот протянул ей рисунок.

– Вот, я закончил, возьмите.

– Что это? – Скорцени подошел следом за Маренн и сразу заметил, что она держит в руке. – Еще один шедевр для Национальной галереи с твоим изображением? Англия неравнодушна к тебе, прямо скажем.

– Я тоже неравнодушна к ней, – улыбнулась она. – Несмотря ни на что.

– Вы должны помнить, капитан, – Скорцени внимательно посмотрел на Джеймса, – кому обязаны своим спасением.

– Я буду помнить всю жизнь, – проговорил тот, неотрывно глядя на Маренн. – Женщине с картины английского лейтенанта.

– Вы пока поспите, – Маренн заботливо укрыла его плащом. – Мы тронемся утром, когда утихнет пурга.

Потом повернулась к оберштурмбаннфюреру.

– Раненый нуждается в покое.

Скорцени молча отошел к костру. Она подошла сзади, положила руку ему на плечо.

– Ты знаешь, это противоречит инструкции, – сказал он, не поворачиваясь. – Уж лучше бы было взять с собой Джилл. С ней хоть и мороки больше, но зато у нее нет столько знакомых по всей Европе и Америке. Ее портреты не пишут под разрывы снарядов. Собственной кровью.

– Спасибо, – она приникла головой к его плечу и уже не чувствовала ни ветра, ни мороза, только привычный, родной запах его тела. – Мне было бы больно смотреть, как он умрет.

Он наклонился, поцеловал ее в губы.

– Еще бы, с таким-то рисунком. У парня недюжинный талант.

– В его манере есть что-то от Матисса, ты не находишь?

– Матисс, прерафаэлиты, это все слишком тонкая материя для нашего диверсионного дела. Но если ты так считаешь, я согласен.

Она теснее прижалась к нему и прошептала:

– Я так считаю, я так считаю. И я рада, что Кальтенбруннер все-таки разрешил поехать мне вместо Джилл. Она бы никогда не уговорила тебя сохранить жизнь английскому офицеру, пусть даже он талантливый художник. Пойти против инструкции и циркуляров. Мне, правда, тоже удастся это не всегда, – она явно намекала на сорок первый год. – Но хорошо, что на этот раз получилось.

Пауля Эберхарта оперировали через два дня после того, как началось обследование. Операция длилась три с половиной часа. Маренн, как всегда, была точна и искусна. Бригада врачей под ее руководством, как слаженный ансамбль, действовала четко. Все это время фрау Лотта ожидала там, где ей указали, – в специальной комнате для посетителей, обставленной уютной мягкой мебелью. Она не могла найти себе места и сама сбилась со счета, сколько раз она прошла по комнате – от окна до двери и назад.

– Вы должны знать, что каждая операция на головном мозге уникальна. Будем надеяться – все завершится успешно, – сказала ей доктор накануне. Теперь эту последнюю фразу: «Все завершится успешно», – фрау Лотта повторяла как заклинание.

В этот же день Кальтенбруннер прервал затянувшееся молчание и без особого удовольствия сообщил Скорцени, что его рапорт удовлетворен – вместо Джилл Колер в составе диверсионной группы в Арденны направится Ким Сэтерлэнд.

– Я слышал, что без вмешательства рейхсфюрера дело не сдвинулось, – иронично осведомился Алик, узнав новость. – А того как следует подзадорил наш общий шеф.

– Да, Шелленберг имел беседу с Гиммлером. После чего тот позвонил Кальтенбруннеру.

– Ему отпускать Маренн в Арденны под пули – как нож по сердцу, но он понимает ее чувства – все ради того, чтобы спасти Джилл. Я думаю, это правильно. Коли Кальтенбруннер не может пережить, что отряд вообще останется без дам. Чепуха какая-то!

– Он не может пережить, чтобы признать, что его затея – глупость, и ничего больше.

– Я согласен.

– Я еду в Шарите, надо сказать Маренн.

Скорцени спустился к машине. Они приехали в клинику, когда операция уже подходила к концу. Невзирая на протесты медсестер, Отто поднялся к операционной, подошел к стеклянной перегородке, наблюдая за Маренн. Она, конечно, его не заметила. Тогда он спустился в вестибюль.

– Скажите, как там, – невысокая женщина в простом темном платье с кружевным воротником, волнуясь и стесняясь, подошла к нему, – я видела, вы поднимались, господин офицер?

– А что как? – Скорцени не сразу понял, о чем она спрашивает.

– Мой сын, ему сейчас делают операцию, – пролепетала женщина, вконец растерявшись. – Вы не видели?

– Он вряд ли что-то понимает в этом, – вместо него ответил Науйокс. – А вы кто? Матушка солдата, которого оперирует фрау Ким? – догадался сразу. – Не волнуйтесь, – он ободряюще поддержал женщину под локоть. – Фрау Ким знает свое дело. И если она сказала, что все будет в порядке, значит, так и будет. Она ведь вам обещала?

– Да, – фрау Эберхарт кивнула.

– Значит, ждите и все, не волнуйтесь зря, – успокоил ее Науйокс. – Ты тоже отдохни, – он кивнул Отто на кресло. – Сядь, право, посиди. Дай человеку закончить дело. Успеет она узнать о великом решении Кальтенбруннера. Ты и так всех переполошил. Дежурному персоналу до сих пор нехорошо.

– Да, наверное, ты прав.

Бросив плащ на спинку кресла, Скорцени сел. Достал сигарету. Прикурил.

Сверху спустилась высокая медсестра, было видно, что она только что из операционной.

– Фрейлейн Герд, – фрау Эберхарт бросилась к ней. – Я знаю, вы ассистировали доктору. Как там? Как там Пауль?

– Все хорошо, любезная фрау Лотта, – Герд даже улыбнулась. – Уф, устала, – сняв шапочку, она встряхнула волосами. – Я как раз к вам. С сыном все благополучно, пока еще он находится под наркозом, но его уже отвезли в палату, и вы можете пройти к нему. Фрау Ким довольна. Все прошло хорошо. Идемте.

Она повернулась, чтобы подняться наверх, фрау Эберхарт поспешила за ней.

– Одну минуту, фрейлейн, – Скорцени остановил сестру. – А где фрау Сэтерлэнд? Она уже вышла из операционной?

– Да, у себя в кабинете.

Когда они вошли, Маренн сидела за рабочим столом и что-то писала. Рядом лежала белая шапочка, марлевая повязка с лица. Длинные каштановые волосы волной закрывали плечи. Она подняла голову, на лице явно читалась усталость.

– Что вы? – спросила недоуменно. – Случилось что-то срочное?

– По мне, так легко можно подождать до вечера, – ответил Алик, усаживаясь на диван рядом с дверью. – Куда спешить?

– Кальтенбруннер изменил приказ, – сообщил Скорцени, подходя к столу. – Ты включена в состав группы вместо Джилл. У тебя в распоряжении неделя. До второго декабря ты должна закончить все свои медицинские дела и договориться, кто тебя заменит. Мы вылетаем в Арденны второго декабря, и не днем позже.

– Я рада, что Джилл останется дома, – Маренн откинулась на спинку стула и едва заметно улыбнулась. – За себя я не боюсь. Я справлюсь. Мне будет спокойно знать, что она, как всегда,

утром едет на Беркаерштрассе в Бюро переводов, а не пробирается где-то по снегу в лесу под обстрелом американцев.

– Скажи спасибо бригадефюреру, – как бы невзначай заметил Науйокс. – Пришлось все-таки вмешаться Гиммлеру. Шелленберг убедил его.

– Я знаю.

– Айстофель, за мной, за мной!

Она бежала между заснеженных елей, распахнув плащ, серебристые комья падали ей на распущенные волосы. Она бросала палку Айстофелю, и тот несся черно-серой стрелой со щенячьим визгом, находил «добычу» и прыжками возвращался к хозяйке, радостно махая хвостом.

– Айстофель, отдай! Еще раз, еще!

– Раух, остановите их! – приказал Скорцени, обернувшись.

– Зачем? – адъютант пожал плечами. – Тебя волнует, что американцы увидят ее коленки?

– Меня волнует, что они вообще ее увидят, – отрезал он. – В форме и с нашивками оберштурмбаннфюрера СС. Не исключено, что у них есть снайперы. А вот то, что она по медицинской части, издалеко они как раз могут не разглядеть.

– Что ж, это верно.

Раух направился к Маренн. Айстофель зарылся в сугроб, торчали только уши и хвост. Маренн наклонилась, чтобы потянуть его за ошейник. Волосы волной упали вперед.

– Фрау, я прошу прощения, – за спиной она услышала голос Фрица. – Господин оберштурмбаннфюрер просит подойти к нему.

– Да? Хорошо. Мы сейчас.

Маренн выпрямилась, повернулась, закинула голову, смеясь. Лицо ее покраснелось, снежинки падали на темные волнистые локоны, длинные, чуть загнутые ресницы. Она тяжело дышала после игры с собакой, грудь под распахнутым плащом взволнованно приподнималась. Их скрывали две высокие ели с широкими, раскидистыми лапами. Раух молча смотрел ей в лицо, потом опустил взгляд. Она не пошевелилась, словно не заметила. Рядом Айстофель сделал прыжок, схватив в пасть еловую ветку. Снова посыпался снег. Он упал Маренн на щеку. Сдернув перчатку, Раух провел пальцами по ее щеке, прикоснулся к ее губам. Она не отстранилась. Сказала негромко, почти шепотом:

– Не надо.

– Конечно, – ответил он так же тихо, глядя ей в глаза. – Я всего лишь адъютант. Мне не положено чувствовать.

– Не потому. Если он поймет, тебя пошлют на Восточный фронт. А там убивают теперь чаще. Мне не хотелось бы этого.

– Он понимает. Мы говорили об этом.

– Он ждет, не будем задерживаться, – она сделала шаг в сторону.

Он удержал ее за руку и, наклонившись, поцеловал в губы. Она толкнула его в плечо, но так слабо, что он едва заметил это. Отстранилась не сразу, позволив себя обнять. Но потом решительно отступила назад. Глядя перед собой в снег, снова сказала:

– Не надо.

И повернувшись к Айстофелю, позвала:

– Идем, нас ждут.

– Нельзя выставлять себя напоказ, – Скорцени встретил ее холодно. – Не стоит забывать, что мы в тылу противника. И опасность может возникнуть самым неожиданным образом. Сейчас не время для игр.

По его бесстрастному лицу нельзя было понять, сердится ли он, подозревает ли. Раух подошел следом, но во взгляде, который Отто бросил на адъютанта, не было ревности. Каза-

лось, он ничего не заметил. Но Маренн знала – это не так. Он все понял. Но до поры до времени не покажет вида.

– Нам приказано, – оберштурмбаннфюрер продолжал весьма сдержанно, – захватить мост через Маас, чтобы воспрепятствовать переброске войск союзников. На пути у нас американская бригада. Особо шуметь нельзя. Надо решить, как ее обезвредить. Раух, – он снова бросил взгляд на адъютанта, – позови ко мне командиров подразделений. Действовать необходимо с особой аккуратностью, чтобы не раскрыть себя раньше времени. Желательно без стрельбы. Только холодным оружием. Иначе может подоспеть подмога, а это очень некстати для нас.

Красивая француженка в платье с глубоким декольте, артистка из Парижа, пела для солдат генерала Брэдли лирическую предрождественскую песню из старого довоенного кинофильма. Никто не знал, откуда она появилась в расположении. Должно быть, приехала попутной машиной. Но томный звук ее голоса мгновенно очаровал всех. Говорили, ее прислал генерал Омар Брэдли, чтобы сделать своим солдатам подарок к Рождеству.

Она сидела у костра в окружении офицеров, черные лепестки ее бархатного платья рассыпались, открывая стройные ноги в высоких военных сапогах. Офицерская шинель, заботливо накинута кем-то, соскользнула на снег, мокрые снежинки падали на обнаженные плечи.

Она пела о любви, и перед каждым возникали картины ушедшей мирной жизни. Их опьянял вольный воздух Парижа. Завороженные ее голосом, околдованные воспоминаниями, они не заметили, как со стороны леса появились люди в камуфляже. Неслышно ступая по снегу, перебежками они приблизились к костру, окружили плотным смертельным кольцом тех, кто слушал песню.

Никто из американцев не услышал, как сдавленно вскрикнул один из них, пронзенный кинжалом в спину, как застонал, опустившись на снег, другой, как третий захрапел, обливаясь кровью белый снег вокруг. Никто не увидел, как погиб четвертый, пятый, седьмой...

А песня все неслась над поляной, где резали живьем ножами с изображением готических букв на рукоятках лезвий. Лирическая песня о любви... Рождественский подарок генерала Брэдли.

Оставшихся, уже без музыкального сопровождения, расстреливали из автоматов в упор. Они все остались лежать в снегу, глядя безжизненными глазами на несущиеся ввысь сосны. Никто из них уже не видел, как высокий человек со шрамом на лице накинул на плечи француженки черный китель с погоном и она встала, подняв с земли обгаренный кровью кинжал с надписью SS.

Песня кончилась. Наступила мертвая тишина. Сырая мелкая пороша, сменив симфоническую торжественность снегопада, саваном укрывала землю и мертвые тела на ней. Маренн шла, переступая через трупы. Длинный шлейф платья волочился позади, ноги то и дело проваливались в снег.

– Не хотелось бы, чтобы Джилл смотрела на подобное, – поравнявшись с ней, Раух подержал ее под руку.

Она только молча кивнула и сжала его пальцы, затянутые в перчатку.

– Наша задача изменилась, – продолжил Раух. – Командующий 6-й танковой армией Зепп Дитрих требует, чтобы мост через Маас был захвачен в неповрежденном состоянии, быстрым безжалостным ударом. Времени у нас в обрез. Они собираются наступать по этому мосту, так что нам придется удерживать его до подхода танков.

– Наступать, здесь? – Маренн остановилась. – Вальтер говорил, что местность здесь пересеченная, танкам придется туго, вокруг густые леса. К тому же выпало много снега.

– Ты думаешь, тут кто-то слушает Вальтера, а тем более нас с тобой? – Раух усмехнулся. – Я так понял, что здесь каждый сочиняет как умеет. А тем более Зепп Дитрих. Ему вообще море по колено. Отто предложил им захватить мост южнее, там более подходящие дороги для наступления, но они и слушать не хотят. Дивизия «Гитлерюгенд» пойдет через Льеж, а «Лейб-

штандарт Адольф Гитлер» должна выйти к реке между Ги и Омбре-Рауз. Вот так-то. Авангардная группа «Кульман» уже на подходе, она движется по шоссе «С», они торопятся прорвать оборону, чтобы проложить дорогу основным силам, значит, и нам надо действовать быстрее. Вообще, наступать будут только эсэсовские части, фюрер сказал, что после июльского покушения он вообще больше не верит армии.

– Но при нынешних погодных условиях эти проселочные дороги, по которым они хотят наступать, быстро превратятся в грязное месиво. Будет так же, как в России в сорок первом, когда танки безнадежно застряли после продолжительных дождей.

– Я не думаю, что командиры танковых дивизий станут советоваться с нами, они, наоборот, торопятся, мол, пока снегопад, авиация союзников вынуждена бездействовать, – Раух грустно усмехнулся. – Наше дело захватить мост и дать им пройти. Зепп Дитрих обещал нам прислать на подмогу своих десантников. Батальон «Хергет», во главе с самим оберштурмбаннфюрером СС Хансом Хергетом. Они прибудут завтра к утру.

– С Хансом Хергетом? – Маренн остановилась. – Я слышала, он погиб, еще в Польше, в тридцать девятом году.

– Был тяжело ранен. Но вот теперь вернулся.

– Был ранен, – Маренн покачала головой, – да. Мне сказали, он умер в госпитале.

– Значит, вышла ошибка, – Раух удивленно посмотрел на нее. – Ты с ним знакома?

– Немного, – скрывая смущение, ответила она и снова пошла вперед.

Знакома ли она с ним? Еще бы. Она вспоминала о нем не раз. В тот день, когда узнала о смерти сына. Но и подумать не могла, что придется встретиться еще раз. Мысленно она попрощалась с ним давно, пять лет назад. Стоило отправиться в Арденны, чтобы узнать, что он жив. Она попрощалась с ним в Польше. Тогда как встретила куда как раньше. Разве она могла забыть?

Осенью 1939 года, вскоре после оккупации Польши, вместе с Альфредом Науйоком она впервые приехала на территорию генерал-губернаторства. Герой глянцевой операции штандартенфюрер СС Науйок вполне уверенно чувствовал себя на польской земле.

Польша лежала в руинах. И хотя армия ее уже была разгромлена, то там то здесь вспыхивали бои местного значения – эсэсовские зондеркоманды занимались уничтожением последних остатков Войска польского, осевших в немецком тылу.

Проведя весь день в госпиталях, Маренн вечером встретила с Аликом Науйоком в штабе одной из эсэсовских дивизий. Они поехали поужинать. В ресторане было многолюдно. В основном немецкие офицеры со своими дамами, встречались полячки, поляков не было. Обсуждая с Аликом события прошедшего дня, Маренн случайно взглянула на парадные белые ступени, ведущие от входа вниз, в зал и... замолчала, заметив в группе только что вошедших офицеров бывшего коменданта лагеря, в котором ее держали вместе с детьми, Ханса Людвиг Хергета, теперь он имел звание штурмбаннфюрера СС. Офицеры спустились по лестнице и прошли в зал. Они сели за столик недалеко. Теперь Маренн могла видеть Ханса только в профиль. Он знаком подозвал официанта.

– Маренн, ты слышишь меня? – Алик Науйок нетерпеливо тронул ее за рукав. – Что ты там увидела?

– Да, да, Алик, – ответила она рассеянно. – Ты не знаешь, кто эти офицеры? Из какой они части?

– Где?

– Вон, за тем столом.

– А... Это одна из наших зондеркоманд. Они здесь работают с партизанами. Ее командир, штурмбаннфюрер Хергет, сидит во главе стола, мы общались сегодня утром. А что? Тебе приглянулся кто-то из этих молодых людей? – Алик лукаво посмотрел на нее.

– Да нет же, – Маренн опустила глаза.

- Я так и понял. Их командир – красавец, прямо скажем.
- Ну что ты говоришь, Алик! – Маренн рассердилась.
- То, что есть. Ты совсем не ешь.
- Извини, Алик, – она встала. – У меня очень болит голова. Я, пожалуй, пройдусь.
- Хорошо, – Алик пожал плечами. – Если что, я буду здесь.
- Договорились.

Маренн прошла мимо столика, за которым сидел Хергет. Ханс курил сигарету, он разговаривал с оберштурмфюрером, который сидел рядом с ним. Она вышла в холл. И, подойдя к распахнутому окну, закурила сигарету. Ей казалось, в тишине еще теплой осенней ночи она снова услышала лай собак, удары лопатой по замерзшей земле, крик Штефана: «Мама!» Он успел крикнуть прежде чем комья земли обрушились на его голову, скрывая в яме, выкопанной посреди лагерного плаца, на глазах шеренги заключенных. И холодное, бесчувственное лицо коменданта. Перед тем, как потерять сознание, она успела увидеть, как он спускается со смотровой вышки. Короткая команда – и все остановилось. Крик прекратился. Она подумала, Штефан умер. Но нет, он был жив. Потом ее отправили в тюрьму – там били. Ни в чем не обвиняли, просто били, за непослушание. Она слышала шаги кованых сапог по коридору тюрьмы. Она знала их наизусть, шаги охранников, которые выводили узников на казнь. И ее казнят – она ждала этого. Она была уверена. Осталось девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, всего два шага. Вот. Заскрежетал замок, дверь открылась. В рассветном полумраке, в проеме двери она увидела высокую фигуру в плаще. Нет, не приземистый унтершарфюрер, не толстый валяжный начальник тюрьмы – высокий, статный Ханс Хергет стоял на пороге. Он появился, чтобы отвести смерть.

Ей едва хватило сил, чтобы удержаться на ногах, она едва узнала его. Он вошел в камеру. За ним подобострастно шаркая ногами, семенил потерявший всякую спесь начальник тюрьмы. Она ждала, что вот-вот появится Ваген. Но Вагена не было. Она опустилась на нары, потом, теряя сознание, упала на пол. По приказу Хергета охранник помог ей подняться. Ее провели по коридору, потом – во двор. В какое-то мгновение мелькнула мысль, что казнь все-таки состоится. Ее отведут к стене, и все будет кончено – за непослушание. Но провели мимо. Ханс Хергет шел за ней. Она слышала его уверенные шаги, слышала властный голос, которым он отдавал приказания. Ее вывели за ворота, подвели к машине. Охранник распахнул дверцу.

– Садитесь, – сказал он.

Она села. Ханс Хергет сел за руль. Машина тронулась с места, и... все осталось в прошлом. Они были вдвоем. Только вдвоем. Хергет молчал. Но она видела – в зеркало заднего вида он улыбался ей одними глазами. Уткнувшись лицом в спинку переднего сиденья, Маренн не могла сдержать слез. Она плакала. Машина затормозила. Повернувшись, Ханс Хергет провел рукой, затянутой в черную перчатку, по ее спутанным волосам. Потом вышел из машины и открыл перед ней дверцу.

– Иди, – сказал он.

Она подняла заплаканное лицо. Она не поняла, о чем он говорит. Идти? Куда? Кругом – ни души, поля, леса, все тонет в серой рассветной дымке.

– Иди, – повторил он. – Ты свободна. Я отпускаю тебя.

Ей показалось, от всего пережитого она бредит. От неожиданности она на мгновение онемела. Свободна? Как свободна? После всего, что она пережила, это казалось невероятным. Как она может быть свободна? Это невозможно.

– Выходи скорей, – он торопил ее. – Пойдешь через перелесок, там Битбург. Это небольшой, тихий городок. На самой окраине, на улице Золленштрассе, 5, тебя ждут. Это хорошо знакомые мне люди. Они согласились помочь. Они дадут тебе одежду и новые документы. Я все подготовил.

– Но дети? – она не верила собственным ушам. – А как же Штефан и Джилл?

– На поезде доберешься до Мюнхена. Там остановишься в гостинице «Людвиг». Я постараюсь, чтобы к твоему приезду они оба были уже там. Из Мюнхена отправитесь в Париж. И как можно скорее. Я потяну время, но рано или поздно гестапо все равно начнет тебя искать. Они искать умеют, это общеизвестно, так что к этому моменту вы должны быть уже далеко. Это все, Ким, что я могу для тебя сделать. Иди, другого случая не будет.

Откуда только взялась эта радость? То, что казалось несбыточным, свобода, Париж, все предлагалось ей сейчас. Но какой ценой? Кто должен заплатить за ее освобождение и чем? Она внимательно посмотрела на Ханса. Лицо его было бесстрастным. Как и обычно, оно не выражало никаких чувств. Темно-голубые глаза холодны и спокойны. Как будто он не предлагал ей ничего особенного. Он ждал.

– А как же ты? – спросила она вдруг. – Ведь если они начнут искать, они выяснят, кто устроил мне побег. Тебя накажут. Если не хуже...

– Меня накажут, – уголки губ дрогнули, он едва заметно улыбнулся. – Разжалуют, это точно. Но это уже мое дело. Иди.

– Нет, – она ответила резко, опустив голову. – Нет.

– Что? – он переспросил удивленно, слегка приподняв бровь.

– Я никуда не пойду, Ханс. Я не хочу, чтобы тебя наказали.

Она заметила, что, несмотря на все умение владеть чувствами, он смутился и отвел взгляд, чтобы не выдать выражение глаз. Потом, опустив козырек фуражки ниже, спросил строго:

– Ты остаешься? Решай скорей. Мы больше не можем стоять здесь, – он кивнул на дорогу.

Она оглянулась – из-за поворота показался военный транспорт.

– Да, остаюсь, – сказала она решительно и, усевшись на сиденье, захлопнула дверцу автомобиля. Он обошел машину и сел за руль. Транспорт приближался. В зеркало она увидела, что он смотрит на нее, и не узнала его взгляд. Теплый синий свет струился, отраженный зеркальной поверхностью, обволакивая и согревая. Он повернулся и, перегнувшись через спинку кресла, поцеловал ее поблекшие губы, на которых запеклась кровь. Транспорт поравнялся с ними. Притормозив, проезжавший офицер спросил:

– Нужна помощь, господин гауптштурмфюрер?

– Нет, благодарю, – Хергет махнул рукой. – Все в порядке. Поезжайте.

Вскоре он уехал по новому назначению. Без предупреждения, ночью. А утром к шеренге заключенных вышел новый комендант, гауптштурмфюрер СС Габель.

Сзади слышались шаги. Маренн обернулась. В сопровождении своих офицеров штурмбаннфюрер СС Хергет направлялся к гардеробу. Сколько же времени прошло? Сигарета давно потухла. Бросив ее в урну, Маренн подошла к штурмбаннфюреру. Он не обратил на нее внимания. Тогда она назвала его по имени:

– Ханс!

Хергет обернулся. Все тот же резкий, холодный взгляд.

– Вы не узнаете меня, Ханс?

Она подошла ближе. Холодное недоумение сменилось удивлением, в глазах мелькнула радость.

– Ким? – он окинул взглядом ее форму. – Я вижу, вы сделали карьеру, фрау Ким. Вам идет.

Потом, оглянувшись на офицеров, приказал:

– Отправляйтесь в распоряжение, господа. Я буду позже. Ты здесь одна? – спросил, когда офицеры ушли.

– Нет, но я предупрежу. Подожди.

Она почти вбежала в зал. Потягивая прохладное белое вино, Алик все еще сидел за столиком. Она подошла.

– Ну, наконец-то. Где ты была? – спросил он.

– Алик, дело в том, – она запнулась. – Я должна сейчас оставить тебя. Ты понимаешь, Ханс Хергет, он бывший комендант лагеря, где я находилась.

– Не понимаю, – Алик пожал плечами. – Насколько я помню, ваш комендант Габель довольно скучная личность, старый и толстый.

– Хергет был всего несколько месяцев, до Габеля.

– Что ж, ясно.

– Он много сделал для меня. Он спас меня.

– Похоже, он не зря старался. Ладно, договорились. Я никому ничего не скажу, ты понимаешь, – Алик заговорщицки посмотрел на нее. – Но при одном условии. Вон там, видишь, сидит красивая полячка. Она давно уже мне подмигивает. Так что сделай милость – тоже никому не говори. По рукам?

– По рукам! – Маренн рассмеялась. – Ты – хитрый лис, Алик. Умеешь извлечь выгоду из всего.

– Ну-ну, – сказал Алик, вставая из-за стола и одергивая мундир. – Я посмотрю, какая у нас будет выгода завтра, когда нам позвонят из Берлина. Ты там возвращайся пораньше. А то, понимаешь, мне ночью некогда будет придумывать, что объяснять известным людям.

Они провели ночь в одном из немногих уцелевших после бомбардировки отелей. Она вспомнила, что в лагере, когда он впервые пригласил ее к себе, она ударила его по лицу, едва он попытался обнять ее. Молодой комендант схватился за пистолет. Она закрыла лицо руками и только просила:

– Стреляйте, стреляйте скорей. Ну, что же вы?

Он убрал пистолет в кобуру и, сдерживая ярость, приказал:

– Убирайся.

Всю ночь в лагерной лаборатории, куда по приказу Хергета ее с больными детьми перевели из барака, она не могла заснуть, со страхом ожидая рассвета. Ударить по лицу начальника лагеря – за это можно было поплатиться жизнью. А что же будет со Штефаном и Джилл? Прижимая к себе спящих детей, она почти раскаивалась. Но утром ничего не произошло. Она не увидела его на проверке, не последовало никаких указаний, ее не перевели обратно в барак – все оставалось по-прежнему. Фельдшер, повинувшись приказу Хергета, как всегда, принес лекарства. Никто ничего не знал, никаких особых распоряжений не поступало. К обеду она услышала, что комендант уехал по вызову в город. Теперь она со страхом ждала его возвращения. Он приехал вечером. Вошел в амбулаторию, молча окинул холодным взглядом Маренн и детей, взглянул на фельдшера и вышел. В тот вечер он не посылал за ней.

– Ты помнишь? – спросила она, улыбаясь.

– Да, помню, – ответил он. – Ты была смелой женщиной.

Через два дня зондеркоманда СС под командованием штурмбаннфюрера Ханса Хергета проводила ликвидацию группы польских военнослужащих, состоявшую из разрозненных остатков нескольких частей регулярной польской армии. Поляков окружили, операция уже подходила к концу. У медицинской машины с красным крестом Маренн принимала и осматривала раненых. Издалека она наблюдала за Хансом, который, находясь на замаскированном командном пункте, руководил заключительными действиями своих подчиненных. Потом он подошел к ней. У него в руке она увидела розовый цветок гладиолуса. С улыбкой он приколол гладиолус к нагрудному карману ее кителя и поцеловал в губы. В сумятице угасающего боя никто не заметил польского солдата, который, осторожно прокравшись в кустах, прицелился в Маренн – его привлек ее мундир, в отличие от членов зондеркоманды на ней не было камуфляжа.

– Господин штурмбаннфюрер, сообщение из канцелярии гауляйтера, – подбежавший связист отвлек Хергета.

Он отошел на несколько шагов и вдруг заметил, как среди ветвей мелькнул автомат. Он бросился к Маренн.

– Ложись!

Но было поздно. Раздалась очередь. Одна пуля вонзилась ему в голову, другая прошла под сердцем. Ответный свинцовый шквал, пронесшийся по округе, уничтожил всех еще надевавшихся на спасение в своих укрытиях поляков, в том числе и стрелка.

Маренн бросилась к Хансу – он был еще жив.

– В машину, в машину срочно! – приказала она эсэсовцам.

Его привезли в госпиталь. В машине он на некоторое время пришел в себя. Его подернутые тусклой пеленой глаза взглянули на нее, губы разомкнулись, он произнес едва слышно, с хрипом:

– Ты зря так поступила, Ким. Лучше бы ты тогда бежала. Тебе не простят. Ты можешь потерять все, ради чего согласилась.

Потом в уголках губ выступила кровь. Он закашлялся. Голова откинулась. Он закрыл глаза.

Она вспомнила его слова, когда погиб Штефан. «Ты потеряешь все, ради чего согласилась». Наверное, он был прав.

В госпитале она сама сделала ему операцию, понимая, что шансов на спасение немного. Потом ее срочно вызвали в Берлин. Она оставила Ханса на попечение профессора Шульца, главного врача Краковского госпиталя, намереваясь забрать в клинику Шарите, как только это станет возможным. Но едва она прилетела в Берлин, ей сообщили, что он умер. И вот теперь оказывается, он жив и вернулся в строй. Это казалось невероятным. У него было тяжелое ранение в голову, и его лечение прошло мимо нее. Без его собственного желания такое не могло произойти.

– Американцы в сильной неразберихе. Без дорожных указателей, которые мы сорвали, многие подразделения сбились с пути и заблудились, – доложил командир передового отряда. – Этому способствует также густой туман. Части, стоявшие в Линьевилле, покинули его. Десять минут назад штаб зенитно-артиллерийской бригады во главе с генералом Тимберлейком бежал. Путь свободен.

– Что ж, если это так, вступаем туда, – распорядился оберштурмбаннфюрер, взглянув на карту. – На всякий случай пустите вперед танки.

Уже через несколько минут он похвалил себя за принятое решение. На юге Линьевилля танки столкнулись с тыловыми подразделениями 7-й бронетанковой дивизии США, идущими в Сен-Вите. Первая «пантера» на большой скорости пыталась атаковать американцев у моста через реку, но была подбита замаскированным «шерманом» и вспыхнула.

На улицах городка замелькали фигуры в американском обмундировании. Они явно были ошарашены неожиданным появлением немцев. Танки передовой группы Пайпера напозлали на Линьевилль, как черные жуки. Под прикрытием разбитой «пантеры» бронетранспортер на полугусеничном ходу громыхнул выстрелом, и головной джип американской колонны исчез во вспышке оранжевого пламени и черного дыма. Остальные танки еще оставались за бугром. Застигнутые врасплох американские солдаты рассыпались в поисках укрытия. Кто бросился в канаву, кто в близлежащий сарай, кто спрятался за стогом сена. Многие просто падали в снег, притворяясь убитыми, чтобы потом спокойно уйти, когда немцы пройдут. Снова выстрелил замаскированный «шерман».

Маренн услышала гул. Снаряд взрезался в снег совсем близко, ледяная крошка с силой ударила в лицо. Она вскинула голову.

– Лежи, вставать нельзя!

Раух схватил Маренн за руку и потянул к себе. Они лежали близко друг к другу. Маренн вжалась в снег, ожидая следующего выстрела. Он последовал скоро. Но в другом направлении –

внимание американского танка привлекли «пантеры», выползающие из-за бугра. Раух прижал Маренн к себе, повернул ее лицо. Даже сквозь взрывы она слышала его слова.

– Я люблю тебя. Война катится к концу. Все катится к концу и ко всем чертям. Молчать больше нет смысла, возможно, другого случая уже не будет.

Она промолчала. Немцы открыли шквальный огонь – из всех стволов одновременно. Выстрелы «шермана» прекратились – его подбили панцерфаустами. Он горел в клубах черного дыма.

– Я прошу тебя, – она сказала негромко. – Я прошу, Фриц. Между мной и Отто и так все очень сложно. На грани разрыва. Если бы у Германии был шанс, а так ты прав, все катится к концу, и мы не знаем, что ждет нас завтра.

– Мне все равно. Я люблю тебя, – повторил он.

Он добрался до ее губ. Несколько мгновений они оставались неподвижны, потом она ответила на поцелуй.

Потеряв один танк и два БТРа, группа Скорцени вошла в Линьевилль. Остатки разгромленной колонны взяли в клещи и оттеснили к центру города. Понимая, что сопротивление бессмысленно, американцы бросали оружие на брусчатую мостовую и поднимали руки, сдаваясь в плен. Немцы окружили пленных, обыскали, чтобы изъять спрятанное оружие.

– Оставлять их здесь нельзя, – прокричал Скорцени командир панцергруппы Иоахим Пайпер.

Он подкатил на бронетранспортере, на правом плече болтался «шмайсер».

– Там у развилки дорог поле, я прикажу, чтобы всех отвели туда.

– Как знаешь, – Скорцени только кивнул. – Они твои, мне они ни к чему, только обуза.

– Тогда я оставляю с пленными нескольких солдат, а остальным отдам приказ идти вперед.

– Хорошо! Раух, – Скорцени обернулся к адъютанту. – Я еду на встречу с командиром зондеркоманды «Хергет», он приглашает меня в свой штаб. Нам надо согласовать дальнейшие действия. Со мной поедут командиры подразделений. Ты остаешься здесь за главного. Особенно не расслабляйтесь, бдительности не теряйте, – распорядился он.

– Ты пока можешь отдохнуть, – подойдя к Маренн, он с нежностью прикоснулся пальцами к ее щеке.

– Я займусь ранеными, – она едва заставила себя улыбнуться. – Если возможно, я бы хотела осмотреть и тех американцев на поле. Возможно, там тоже кому-то требуется помощь.

– Зачем? – Скорцени нахмурился, но, заметив, как сжались ее губы, согласился. – Ладно. Если ты считаешь это необходимым. С Пайпером договаривайся сама.

– Хорошо, – она заставила себя улыбнуться.

Пленных было несколько сотен. Сюда же добавили тех, кого захватили в Буллингене. Выглядели они испуганными, на лицах явно читалась тревога. Солдаты Пайпера особенно не церемонились с янки. Охрана искала любой повод, чтобы открыть огонь. Когда Маренн подошла, она почувствовала – в воздухе витает призрак смерти, напряжение достигло апогея. Она сняла камуфляж, чтобы было видно, в каком она звании, не только американцам, но и эсэсовцам тоже, – пусть попрिдержат свою ярость и неуместные скабрёзности.

Американцы сидели прямо на заснеженном поле, им разрешили курить. На двух дорогах, пролегающих от них по обеим сторонам, несметное количество немецких танков со знаками SS и гербами легендарных арийских дивизий на борту выписывали сложнейшие маневры. Они направлялись от Линьевилля к Мальмеди.

Маренн сразу поняла, что это своеобразная психическая атака. Завороженные американцы смотрели в холодные, как сталь, глаза молодых эсэсовских офицеров, которые с высоты танковых башен упивались победой, вкус которой они уже подзабыли. И она без труда замечала – многие американцы начинали испытывать страх. Она знала, их убеждали, что германская армия, потерпевшая не одно сокрушительное поражение на Восточном фронте, на грани

развала. Солдаты не хотят воевать. Теперь они видели совершенно противоположное. Элитные эсэсовские части, сформированные только из тех, кого фюрер считал истинными арийцами, по-прежнему отличались железной дисциплиной и свойственным немцам педантизмом в выполнении приказов. Конечно, американцам было невдомек, что четыре танковые дивизии, под командованием Зеппа Дитриха, только что были переброшены с Восточного фронта, где понесли чудовищные потери, доукомплектованы и без малейшей передышки отправлены в Арденны. Солдаты и офицеры измотаны до последней степени. Но противникам этого было незаметно. Маренн хорошо знала, что это будет незаметно даже большевикам, если они в конце концов окажутся на подходе к Берлину. Боевой дух эсэсовских дивизий вряд ли сокрушит даже полная катастрофа рейха, они останутся такими до конца.

Оглушительный рев, раздавшийся неожиданно, заставил ее вздрогнуть. Это начался обстрел реактивными ракетами «Фау-1». Американцы прижались друг к другу. Когда первый залп стих, Маренн подошла к одному из охранников, унтершарфюреру СС.

– Раненые есть? – спросила она, кивнув на американцев.

– Есть. Но они...

– Я знаю, что делаю, – оборвала его Маренн, и эсэсовец вытянулся.

Прямо напротив сидел молоденький лейтенант. От напряжения у него пересохли губы, и он все время облизывал их.

– Как вас зовут? – спросила Маренн у него по-английски.

– Лейтенант Лэрри, – ответил тот, попытавшись приподняться. – Лейтенант Вирджил Лэрри.

Восьмидесятивосьмимиллиметровая самоходная пушка остановилась и угрожающе развернула ствол, направив его прямо на пленных американцев, скрючившихся на снегу. Немецкий шарфюрер зло усмехнулся.

– Что вы встали? – крикнула Маренн. – Немедленно проезжайте. Нечего создавать трудности другим. Еще успеете насмотреться.

Очень кстати она сняла камуфляж, полевая шинель с погоном оберштурмбаннфюрера СС сделала свое дело. На лице шарфюрера мелькнуло удивление, но ее мундир и властный голос заставили его подчиниться. Он выругался, но приказал продолжать движение.

– Я врач, – Маренн снова повернулась к американскому лейтенанту. – У кого есть жалобы? Раненые? Я могу оказать помощь.

– Помощь им вряд ли понадобится, – услышала она позади веселый голос Пайпера. – Им теперь прямая дорога в Типперери, – добавил он по-английски. – Увидимся в Типперери, ребята! Как называется эта солдатская песенка, я ее специально разучивал.

– «Долог путь до Типперери», – подсказала Маренн. – Вы очень кстати, Иоахим.

Пайпер спрыгнул с брони «королевского тигра», на котором приехал. Увидев Маренн, улыбнулся.

– Что вы здесь делаете, фрау Ким? Где Скорцени?

– Он уехал к командиру батальона «Хергет».

– Понимаю, хотят занять высоты Мааса первыми, чтобы посмотреть на Антверпен. Держу пари, я буду там раньше их.

– Не сомневаюсь, вы же на колесах, – Маренн рассмеялась, – и на гусеницах, да еще с непробиваемой броней.

На фоне проходящих мимо эсэсовских танков Пайпер казался самым олицетворением мужественного и храброго немецкого воинства. Маренн знала его по Восточному фронту. Это был по-мужски красивый и умный двадцатидевятилетний офицер. Он прилично владел тремя иностранными языками, обладал завидным мужеством и, что она особенно ценила, – незаурядным чувством юмора.

На Восточном фронте о его смелости рассказывали легенды, он снискал репутацию командира, который хорошо знает, когда нужно выполнять приказ и когда его можно нарушить.

Среди подчиненных Пайпер прослыл истинно прусским служакой, который не искал наград ради наград, хотя за свои ратные дела получил Рыцарский крест – высший боевой орден Германии. И старался никогда не оставлять раненых товарищей на поле боя, что также вызывало у Маренн уважение.

– Вы хотите их подлатать? Зачем? – Пайпер пожал плечами. – Мы долго держать их здесь не будем, отдадим кому следует. А там, в лагере для военнопленных, с ними займутся.

– Я понимаю, но хотела бы оказать помощь тем, у кого тяжелые ранения, – возразила Маренн.

– Хорошо, – он снова улыбнулся. – Но тяжелых у них нет. Они же не оказали сопротивления. Просто бросили оружие, и все. Впрочем, если вы считаете нужным, фрау Ким, я не возражаю. По медицинским вопросам вы – главная. А нам надо вперед. Я думаю, в Антверпене мы будем через неделю.

Он снова вскочил на броню «тигра», выпустив клуб сизого дыма из выхлопной трубы, танк отъехал.

– Желаю удачи! – Маренн махнула рукой.

Маренн снова повернулась к американцам. И видом, и настроением они явно уступали немцам. Скорее всего, необстрелянные парни откуда-нибудь из Небраски, Омахи, Миссисипи. Конечно, они не выдержали натиска эсэсовской лейб-гвардии. Но сражение еще только началось, и Маренн помнила, что говорил ей Шелленберг в Берлине, – американская авиация не так долго будет прикована к земле, погода быстро может перемениться, горючего тоже – в обрез, снабжение тоже оставляет желать лучшего. Арденны – это захолустье Европы, сеть железных дорог здесь развита слабо. И уж конечно, главная проблема – местность. Густые леса и узкие средневековые улочки в населенных пунктах – как там лихо покатают семидесятитонные бронированные машины, пусть даже и на американском горючем. Так что – все еще впереди.

– Ранен мой товарищ, – услышала она голос американского лейтенанта, – он водитель. Ему попали в плечо. Может быть, у вас найдется, чем перевязать.

– Не только чем перевязать, но и все остальное тоже, – Маренн заставила себя отвлечься от размышлений. – Есть санитары? – громко крикнула она по-английски. – Будете помогать мне, чтобы я не тратила время на перевязки.

– Я санитар, – поднялся высокий американский парень, с немного раскосыми, по-индейски, глазами. – Рядовой Сэмюэль Добинс.

– Отлично, – кивнула Маренн. – Идите сюда. Будем работать вместе.

– Вы говорите совсем без акцента, – удивился он.

– Я долго жила в Чикаго, хотя сама из Вены, – ответила она.

– Я тоже из Чикаго, – радостно улыбнулся лейтенант Лэрри.

– Будем надеяться, что вы еще туда вернетесь, – кивнула Маренн. – А пока ведите вашего раненого товарища, у меня мало времени. Мои непосредственные обязанности никто не отменял. И меня ждут раненые немецкие солдаты.

Она осмотрела водителя, постепенно образовалась очередь – оправившись от страха, раненые американцы потянулись на импровизированный медицинский пункт. Вдруг неподалеку остановились два немецких бронетранспортера. Рядовой эсэовец расстегнул кобуру, достал пистолет и спрыгнул на землю. Размахивая «люггером», он подошел к толпе пленных и выстрелил. Один из американцев упал. Еще выстрел – и еще один труп остался лежать на снегу. Среди пленных началось волнение. Послышалась автоматная очередь. Маренн вскочила.

– В чем дело? – сдернув перчатки, она оглянулась вокруг.

Три американца, напав на охранника, вырвали у него автомат и бросились к дороге.

– Куда? Куда? – Маренн крикнула в сердцах.

Танки неслись на предельной скорости – арьергард колонны Пайпера торопился догнать основные силы. Двое беглецов немедленно угодили под гусеницы. Третьего с башни пристрелил офицер. Ответ же на побег последовал немедленно. С обоих остановившихся бронетранспортеров застрочили в унисон тяжелые пулеметы – воздух наполнился гулким и частым треском. Американцы посыпались в снег, скошенные смертельным огнем, как кукурузные початки, срезанные комбайном.

– Ложитесь! Ложитесь! – напрягая голос, Маренн приказала тем из пленных, кто находился рядом. И сама упала на снег.

Она понимала, сделать ничего нельзя. Ярость прорвалась. И несмотря на ее погон, на ее звание, на то, что она немка и офицер СС, ее скосят так же, как большинство американцев, не разбирая. Просто не заметят, кто она такая. Надо переждать. Кто-то вдалеке крикнул:

– Убейте их всех.

– Фрау, фрау, уходите, – она услышала над ухом шепот лейтенанта Лэрри. – Они и вас не пощадят. Это бандиты.

– Это не бандиты, это солдаты, – возразила она твердо. – И над ними есть командиры. А если они заняты чем-то другим, вместо того чтобы следить за подчиненными, им придется ответить, как положено по уставу.

Она понимала, что надо встать. Пулеметная стрельба стихла. Несколько немцев проходили между лежащими американцами, держа наготове пистолеты и автоматы. Они спрашивали друг друга:

– Этот дышит? – и добивали, если убеждались, что пленный жив.

Снова слышались щелчки – пистолеты ставили на боевой завод. Умирующие стонали и выкрикивали проклятия. Американский офицер, раненный пулей при обстреле, попытался подняться. Ему прострелили горло – кровь хлынула струей. Маренн открыла кобуру, вытащила пистолет. Два эсэсовских охранника, которые слышали, как она разговаривала с Пайпером, встали за ее спиной, держа автоматы наготове.

– Что здесь происходит? – Маренн крикнула громко, голос ее звучал спокойно. – Кто дал приказ? Как фамилия?

Первый из эсэсовцев, тот, кто и начал стрелять, вскинул голову, взглянул на нее, криво улыбнулся.

– Фрау доктор, и вы здесь?

– Во-первых, не фрау доктор, а госпожа оберштурмбаннфюрер, – оборвала его Маренн. – Вы не у меня в лечебнице в койке, а при исполнении боевого задания, если вы еще помните. И устав никто не отменял, как и субординацию. Тем более в условиях проведения боевой операции. Как фамилия, я спрашиваю, какое подразделение?

– Унтершарфюрер Флепс, – ответил эсэсовец. Было заметно, что его наглость постепенно сменяется озабоченностью. – Третий моторизованный батальон СС второго моторизованного полка штурмбаннфюрера СС Дифенталя.

– Очень хорошо, – Маренн кивнула. – А это ваши сослуживцы, – она указала на других участников бойни. – Так вот, унтершарфюрер Флепс, – она сделала шаг вперед. – Я приказываю вам сдать оружие. Да, да, мне, и без всяких разговоров. А вернуть вам его или нет, решит сам оберштурмбаннфюрер Пайпер, в группу которого, как я понимаю, входит ваше подразделение. Он же рассмотрит вопрос о трибунале. Слава богу, это не моя компетенция.

– Но это пленные, скот, – возмутился Флепс.

– Молчать, – оборвала его Маренн. – Вы бы хотели, чтобы с вами поступили так же, когда вы окажетесь в плену?

– Я верю в победу Великой Германии и моего фюрера!

– Мы все верим в победу, – ответила Маренн твердо. – И все верим в фюрера. Но завтра о том, что вы только что сделали, раструбят американские газеты, и кто-то из ваших товарищей лишится жизни, потому что американцы решат членов ваффен СС в плен не брать, а убивать на месте. Вот и все, чего вы добьетесь. И никого не напугаете.

– Мы через неделю будем в Антверпене, – вызывающе бросил Флепс. – Зачем нам их плен?

– Возможно, мы и будем в Антверпене, – согласилась Маренн. – Но война еще будет идти долго. Или вы хотите, чтобы на Западном фронте с нашими пленными обращались так же, как на Восточном? Я не думаю, что это правильно. Оружие! – она протянула руку.

Забрав «люггер», приказала одному из охранников:

– Возьмите под стражу и отведите в Линьевилль. Дальнейшее я оставляю на усмотрение оберштурмбаннфюрера Пайпера.

– Ким, что случилось? – она услышала сзади шаги и знакомое дыхание. И сердце радостно дрогнуло – Раух. Она повернулась – да, он, и с ним еще пятеро эсэсовцев из отряда Скорпени. Зарычал Айстофель, уселся рядом, злобно наморщив нос. Ну, так поговорить еще можно. Так легче.

– Ты сам видишь, Фриц, – она вздохнула. – Оказали услугу рейхсфюреру, лучше не придумаешь.

Он понял без слов. Снова заухали «Фау», надрывая слух.

Когда обстрел стих, плоды деятельности Флепса и его «соратников» оказались плачевными. Трупов было немало, но еще больше раненых, которые стонали на снегу, истекая кровью. Лейтенанта Вирджила Лэрри нашли под двумя трупами его товарищей. Он казался мертвым – весь залит кровью. Но когда Маренн наклонилась к нему, открыл глаза.

– Фрау, это вы? – он с трудом разжал губы, произнес глухо, сдавленно. – Вы живы. Наверное, я остался один из моих товарищей? – спросил он, в его воспаленных глазах Маренн ясно различила страх.

– Нет, не один, лейтенант Лэрри, – поспешила сообщить она. – Но в вас попало четыре пули. Без операции теперь не обойдешься.

Рядом с Лэрри лежал санитар Добинс. Его тоже придавило мертвым телом, он тоже был ранен – ему перебило обе ноги.

– Сколько же они уложили всего? – Раух с осуждением покачал головой. – Человек сорок, не меньше.

– Прибавь к ним еще тех, кто все-таки перебежал через дорогу от страха и там попал под руку нашим солдатам, которые приняли их за американцев, изрядно перепивших в кафе и отставших от своих, а не за пленных. Так что с сотню наберется.

– Да, поработали вы на славу, унтершарфюрер, – Раух взглянул на мрачного как туча Флепса. – Порадовали рейхсфюрера. Уведите! – приказал он двум своим солдатам. – И не спускайте с него глаз, пока за ним лично не приедет оберштурмбаннфюрер Пайпер.

Перевязывая Добинса, Маренн подняла голову.

– Раненых необходимо отправить в госпиталь и обеспечить им должный уход. Это хоть как-то сгладит впечатление. Вызови санитарную машину.

– Да, конечно, – согласился Раух.

– Скажите, мэм, – лейтенант Лэрри, собрав силы, приподнялся на локте. – Я умру? Я вижу, вы хороший врач. Скажите мне правду.

– Вас сейчас отвезут в госпиталь, и я сама сделаю вам операцию, – Маренн осторожно прикоснулась к его плечу и помогла ему лечь удобнее. – Я вам скажу честно, положение ваше тяжелое, но не смертельное. Мы справимся. Вы все-таки увидите Чикаго, я уверена в этом.

– Благодаря вам, мэм, – едва слышно прошептал он. – Если я выживу, я буду молиться за вас...

– Пришла машина, госпожа оберштурмбаннфюрер, – сообщил один из эсэсовцев.

– Я слышал, вас зовут Ким, мэм, – Лэрри снова открыл глаза. – Фрау Ким. Я назову так свою дочь, если вернусь в Америку. В честь женщины, которая спасла меня...

– Вы обязательно вернетесь, – пообещала она. – Я прослежу за этим. Несите в машину, – скомандовала немецким санитарам, прибывшим с транспортом. – Я поеду с ними. Скорее всего, вернусь вечером, – добавила, обращаясь к Рауху.

Она вернулась, когда уже стемнело, – на бронетранспортере самого оберстгруппенфюрера СС Зеппа Дитриха. Для надежности. Раух подошел к машине и помог ей спуститься.

– Благодарю, штурмфюрер, – она махнула рукой офицеру, который сопровождал ее, – передайте оберстгруппенфюреру, что со мной все в порядке, и мою признательность. Он в ярости от всего, что случилось, – сказала Рауху, когда бронетранспортер уехал. – Зепп уверен, что американцы все представят так, что он сам отдал приказ не брать пленных и расстреливать безоружных. Одним словом, история получилась некрасивая, и она еще аукнется. Доктору Геббельсу придется напрячь все воображение своего аппарата, чтобы найти достойное объяснение. Отто вернулся?

– Нет еще. Он пока у Хергета, – ответил Раух. – А тот американец из Чикаго? Он выжил?

– Да, потерял много крови, но все-таки мне удалось вытащить его. И санитаров. Они одни из немногих, кто хоть как-то будет свидетельствовать в нашу пользу.

– Благодаря тебе. Я понимаю, тебе было непросто один на один с разъяренными бойцами. Устала?

– Я испугалась, Фриц. Был момент, когда я поняла со всей очевидностью, что меня вот-вот убьют свои. Такого прежде не случалось. Никогда. Ни на Восточном фронте, ни на Западном. Я всегда могла рассчитывать на тех, кто носит такую же форму, как и я. А здесь, только дай я малейшую слабость, покажи немного неуверенности, и он пристрелил бы меня вместе с этими американцами. Несмотря на мой мундир, на погоны, я уж не говорю – несмотря на то, что я женщина. Что-то происходит. Что-то страшное, Фриц. Если это в элитных частях СС, что тогда говорить об остальных? Слово старшего офицера скоро потеряет свою силу, дисциплина держится на волоске.

– Не думаю, что дело обстоит именно так, – Фриц покачал головой. – Просто нервы у всех на пределе. Этот Флепс из «Лейбштандарта Адольф Гитлер», элита из элит, но их так отутюжили осенью в Белоруссии и Польше, что, конечно, это не может не сказаться на общем настроении. Наверное, сейчас не время для милосердия.

– А когда бывает время для милосердия? – она посмотрела ему в лицо. – Ты знаешь такое время? Милосердие всегда не вовремя.

– Наверное, ты права, – он вздохнул и добавил: – Оказывается, здесь есть местечко, где можно провести время с большим комфортом.

– Что ты имеешь в виду? – она удивилась.

– Недалеко усадьба, весьма приличный дом, я посылал солдат, там пусто, американцев нет, а хозяева, видимо, уехали от войны. Причем совсем недавно.

– Но дом наверняка заперт, – предположила она.

– На первом этаже от артподготовки «Фау» вылетело несколько стекол.

– Ты хочешь предложить мне влезть в окно? – Маренн с грустной улыбкой покачала головой. – После всего, что мне пришлось пережить сегодня, у меня не хватит сил.

– Тебе не придется. Влезу я, а потом открою тебе дверь изнутри. Там тихо, затопим камин, будет тепло.

– Я бы с удовольствием посидела у камина, – она вытащила заколку, волосы тяжелой волной опустились на плечи. – И что-нибудь поела.

– Я приказал подготовить все необходимое. Поужинаем там, – предложил Раух.

– Но кто там будет готовить? Я? – Маренн посмотрела на него с укоризной.

– Я все сделаю сам, – успокоил ее Раух. – Тем более, что и делать-то особо нечего, в основном полуфабрикат, а мясо пожарим в камине. Мы там будем одни. Всю ночь, – он пристально посмотрел на нее.

Маренн отвела глаза.

– Отто наверняка вернется скоро, – произнесла она негромко. – Он будет нас искать.

– Я скажу гауптштурмфюреру Цилле, где мы. Если он захочет, то сможет присоединиться к нам.

Раух произнес это как-то вяло, без особого настроения, и Маренн с сомнением покачала головой. Она была уверена, Фриц, конечно, скажет гауптштурмфюреру Цилле, где они будут, но не ради того, чтобы Отто к ним присоединился, а для того, чтобы знали, где его искать на случай военной необходимости. В это она поверит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.